

g $\frac{54}{169}$

54
169

ЖИЗНЬ

РУССКИХЪ И ИНОРОДЦЕВЪ

НА

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

(Очеркъ и замѣтки изъ девятимѣсячнаго дневника.)

С.- ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

по Мойкъ, 5.

1874.

ЖИЗНЬ

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

АН

ОСТРОВЪ САЗАЛИНЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 января 1874 года.

2007099333

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЪСА»

по Мойкѣ, 5.

1874.

ЖИЗНЬ РУССКИХЪ И ИНОРОДЦЕВЪ НА ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

(Очеркъ и замѣтки изъ девятимѣсячнаго дневника.)

Посвящается *Е. В. Пеликану.*

I.

Николаевскъ. — Переездъ на Сахалинъ. — Дуэ и наши посты на Сахалинъ.

Въ 1871 году, по высочайшему повелѣнiю, была назначена комisiя на островъ Сахалинъ, для изслѣдованiя условiй каторжныхъ работъ. Мнѣ выпала доля участвовать въ этой коммисии въ качествѣ медика. Такимъ образомъ, специальностiю моею были гигиеническiе вопросы; но, занимаясь постоянно естественными науками, я также поставилъ себѣ цѣлю изученiе царствъ природы, особенно въ области ботаники. Путь отъ Перми до береговъ острова Сахалина (до 10 т. верстъ) былъ для меня непрерывною экскурсiею, которая, какъ извѣстно занимающимся ботаникою, достается не весьма легко. Но, не смотря на всѣ затрудненiя, я вознагражденъ съ лихвою: мнѣ удалось собрать до 20,000 экземпляровъ растений, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ флорамъ. Столь значительный матерiаль требуетъ еще научной разработкi, къ которой я могу приступить только при болѣе благоприятныхъ для этого условiяхъ.

Преслѣдуя эту цѣль, я не упускалъ возможности всматриваться въ окружающую меня среду. Дневникъ, въ который я заносилъ свои впечатлѣнiя, позволялъ мнѣ набросать нѣсколько строкъ, характеризующихъ жизнь русскихъ и туземцевъ на островѣ Сахалинѣ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 15 iюня 1871 года, послѣ двухмѣсячнаго проѣзда, частiю на почтовыхъ, частiю на пароходахъ, а частiю и на лодкѣ (слишкомъ 1,200 верстъ отъ С. Стрѣтенска до г. Благовѣщенска), я прибылъ въ г. Николаевскъ 25-го августа. Въ ожиданiи дальнѣйшаго слѣдованiя на островъ Сахалинъ, мы должны были пребыть въ Николаевскѣ нѣсколько дней, т. е. до 2 сентября. Время это я посвятилъ ботаническiмъ экскурсiямъ въ окрестностяхъ города и по краямъ р. Амура, а также ознакомленiю какъ съ наружнымъ видомъ Николаевска, такъ и съ внутреннею его жизнiю, насколько позволяло это весьма короткое время.

Николаевскъ основанъ въ 1851 году, а въ 1856 году сдѣланъ об-

ластными городомъ Приморской области; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и портовой городъ. Постройки въ Николаевскѣ всѣ безъ исключенія деревянные, некрасивыя; улицы проведены безъ всякаго плана, а поэтому и городъ на первый уже взглядъ не представляетъ ничего привлекательнаго. Домовъ считается до 600, и жителей до 5,000, изъ числа которыхъ женщинъ едва ли насчитается и 6-я часть. Большинство населенія составляютъ служащiе чиновники и нижнiе чины военнаго сухопутнаго, военнаго морскаго и гражданскаго вѣдомствъ; за тѣмъ купцы, между которыми есть нѣкоторые изъ поселенцевъ, окончившихъ сроки ссылки, а нынѣ зажиточные уже люди и пользующiеся извѣстнымъ почетомъ; далѣе ссыльные и казаки. Относительно торговаго сословія въ Николаевскѣ бросается въ глаза то, что здѣсь почти каждый поселенецъ чѣмъ нибудь да торгуетъ и очень скоро наживаетъ деньги. По вѣроисповѣданію въ населеніи Николаевска замѣчается такая послѣдовательность: за исключеніемъ большинства православныхъ, самое большое число магометанъ, затѣмъ евреевъ, еще менѣе католиковъ, а самая незначительная цифра лютеранъ. Изъ числа главнѣйшихъ зданій находятся здѣсь: 1) соборная церковь (деревянная), выстроенная на небольшой площади, другая церковь госпитальная; 2) морской госпиталь съ находящеюся при немъ аптекою (вольной аптеки въ Николаевскѣ нѣтъ); 3) морское училище; 4) женская гимназія, учрежденная въ 1861 году; 5) школа телеграфнаго вѣдомства; 6) гостинный дворъ весьма скромной наружности; 7) клубный домъ, единственное мѣсто, гдѣ пріѣзжающій можетъ имѣть довольно плохой обѣдъ, за высокую цѣну; въ томъ же домѣ есть отдѣленіе, именуемое «благороднымъ собраніемъ». 8) На концѣ города, по правую его сторону, надъ самымъ Амуромъ, выдвигается впередъ адмиралтейство съ пыльнымъ паровымъ заводомъ и механическимъ заведеніемъ, и наконецъ 9) есть въ Николаевскѣ и библіотека для гг. морскихъ офицеровъ.

Николаевскъ построенъ на небольшой возвышенности лѣваго берега р. Амура, недалеко отъ впаденія этой рѣки въ Татарскій проливъ¹⁾. По обѣимъ сторонамъ и позади города тянутся волнообразныя довольно высокія горы, покрытыя лѣсомъ, состоящимъ по преимуществу изъ хвойныхъ породъ; между этими горами кое-гдѣ выдвигаются болѣе возвышенныя холмы конической формы. Лицевую часть города омываетъ р. Амуръ, довольно широкая въ этомъ мѣстѣ и постоянно волнующаяся, противоположный (т. е. правый) берегъ, который окруженъ живописными; по разнообразію формъ, горами, тоже покрытъ довольно густымъ лѣсомъ. Подъ городомъ, на этомъ пространствѣ Амура, стоятъ русскія суда различныхъ наименованій, въ разстояніи отъ города 1½ версты и болѣе, а ближе къ городу, около пристаней—амурскіе пароходы и лодки рыболововъ: манджурскія, гилякскія, ороchonскія, гольдовъ и русскихъ поселенцевъ. Набережная городъ, во время нашего прибытія на пароходѣ Ингода, была весьма оживлена занятіями рыболововъ, привезшихъ для

¹⁾ 35 верстъ отъ устья.

сбыта рыбу въ громадномъ количествѣ, которой кучи находилсь не только на пристани, но и по берегу рѣки на большомъ пространствѣ. Преимущественно продавалась кета. — *Кета*, или правильнѣе *кета* (*Salmo lagocerphalus*) изъ Татарскаго пролива, идетъ въ несмѣтномъ количествѣ черезъ лиманъ въ р. Амуръ. Ловъ ея начинается въ первыхъ числахъ іюля и продолжается до половины октября. Величина ея болѣе трехъ четвертей аршина, вѣсомъ она отъ 15-ти до 20 фунтовъ. Голова продолговатая, плоская, небольшая; носъ крючкомъ; тѣло плоское, мясо блѣднокрасное, а иногда почти бѣлое, шелуха мелкая, бѣлая; спина зелено-черноватая, бока и брюхо серебристаго цвѣта. По кожѣ вѣтъ никакихъ пятнушекъ; этимъ она отличается отъ *горбуши* (*Salmo Proteus*) и *нярки* (*Salmo Lusaodon*), которой обильный ловъ бываетъ особенно въ половинѣ іюня. Чешуя на послѣдней крупнѣ чѣмъ у кеты, а притомъ круглая и легко отдѣляется отъ кожи; спина синеватаго цвѣта, съ багровыми, темными пятнушками; мясо краснѣе чѣмъ у семги. Приготавливаемая изъ нярки *юкула*, хотя и пріятная вкусомъ, но скоро горнеть, особенно если во время ея вяленія случаются большіе туманы, которые очень часто образуются на Амурѣ. Поэтому-то гиляки и прочіе туземцы предпочитаютъ приготовленіе юкулы изъ кеты, которой дѣлаютъ большіе запасы, какъ для пищи себѣ, такъ и для корма своихъ собакъ. Кета здѣсь въ большомъ употребленіи: ее ѣдятъ свѣжею, приготавливая разныя кушанья, ее коптятъ и вялятъ; въ первомъ случаѣ она напоминаетъ осетровый балыкъ, только не жирный, во второмъ — носитъ названіе юкулы. Юкула же готовится самымъ простымъ образомъ, посредствомъ вяленія свѣжей кеты на открытомъ воздухѣ, развѣшивая разрѣзанную по поламъ вдоль брюха до головы рыбу на веревкахъ около домовъ, отъ чего нерѣдко во время провяливанія рыба эта, подвергаясь порчѣ отъ недосмотра, издаетъ весьма непріятный запахъ, слышимый даже издали. Киту въ Николаевскѣ на пристани продаютъ на сотни; цѣна ей различная (т. е. не всегда одинаковая) и опредѣляется болѣе или менѣе обильнымъ ловомъ ея, а слѣдовательно зависитъ и отъ количества ея, привозимаго для сбыта. При обиліи кеты, за сотню платятъ 3 и 2 руб.; самая высокая цѣна доходитъ до 10 руб., что случается очень рѣдко. Бываетъ же и то, что послѣ утренней распродажи цѣна на нее падаетъ, за недостаткомъ покупателей, и подъ вечеръ сотню киты можно купить за 1 руб. серебромъ.

Во главѣ николаевскихъ купцовъ, по обширности торговли, стоятъ: Люддорфъ и братья Дикманнъ, имѣющіе собственные свои суда. Они ведутъ торговлю съ Гамбуромъ, откуда получаютъ все, начиная съ дамскихъ головныхъ уборовъ, шелковыхъ и шерстяныхъ матерій и оканчивая желѣзными издѣліями и готовою мебелью. Изъ оптовыхъ ихъ магазиновъ развозятъ изъ Николаевска товары по всему Амуру, а также сбываются на мѣстѣ другимъ купцамъ. Розничная же продажа производится у нихъ на дому. Кромѣ вывозной изъ Гамбурга торговли, они еще ведутъ торговлю ввозную, имѣя своихъ агентовъ по всему Амуру и на островѣ Сахалинѣ, закупающихъ по дешевымъ цѣнамъ у гиляковъ,

орочонъ, тунгузовъ и якутовъ, пушнину, которая доставляетъ имъ большіе барыши. Другіе же нунцы, какъ напр. Копиъ и К^о, получаютъ товары изъ Америки, преимущественно же съѣстные продукты, какъ-то: пшеничную муку, рисъ, сахаръ, кофе, различные презервы и консервы, а также калифорнскія вина, алкоголь (въ четырехугольныхъ, герметически закрытыхъ жестянкахъ), портеръ, превосходный лимонадъ въ порошкѣ, табакъ, матеріи для платьевъ и пр. Всѣмъ этимъ привознымъ товарамъ назначена весьма доступная цѣна, за исключеніемъ съѣстныхъ припасовъ, но и эти послѣдніе кажутся дешевыми въ виду высокихъ цѣнъ на мѣстные съѣстные продукты, добываемые на мѣстѣ, или же получаемые изъ Забайкалья. Для наглядности приведу цѣны тѣмъ и другимъ; въ нихъ я убѣдился лично, дѣлая заготовленіе всего необходимаго на нѣсколько мѣсяцевъ, для предстоящей жизни на островѣ Сахалинѣ: 1) копченая ветчина 50 коп. за фунтъ; 2) копченые языки (оленьи 75 к. за ф.; 3) манная крупа 50 к. за ф.; крупичатая мука 4 р. за пудъ; 5) американскіе сухари, называемые пикникъ, 30 к. за ф.; 6) тоже американскіе сухари, круглые, плоскіе, 20 к. за ф.; 7) чай 1 р. 80 к. за ф.; 8) сахаръ (американскій) отъ 14 до 17 р. за пудъ; 9) вермишель 50 к. за ф.; саго 50 к. за ф.; 11) пшено 1 р. 25 к. за пудъ; 12) черный перецъ 40 к. за ф.; 13) лавровый листъ 50 к. за ф., 14) мѣшечекъ бѣлой саги вѣсомъ въ 2½ до 3 ф. 40 к.; 15) джинну бутылка 80 к.; 16) американскій табакъ 20 р. за пудъ; 17) манджурскій табакъ 10 р. за пудъ; 18) крахмалъ 40 к. за ф.; 19) пудъ говядины стоитъ 17 и 18 р. (въ случаяхъ же очень рѣдкихъ бываетъ отъ 8 до 12 р.); 20) солонины 7 р.; 21) коровьяго масла отъ 30 до 40 руб. и болѣе (во Владивостокѣ 100 р.); 22) сала свиного въ продажѣ вовсе нѣтъ; 23) пудъ муки ржаной 2 р.; 24) одинъ баранъ отъ 10 до 13 р.; 25) корова (посредственная) отъ 60 до 70 р. и болѣе, 26) быкъ (въ 8 пуд. вѣсу) въ покупкѣ для казни 55 р.; въ частной продажѣ 90 р.; 27) поросенокъ (2 хъ недѣль) отъ 2 до 3 р.; 28) курица—1 р.; гусь—2 р. 50 к. до 3 руб.; 29) 100 шт. яицъ, зимою—15 р.; 30) пудъ меду—20 руб.; 31)—луку отъ 10 до 20 р. (смотря по привозу); хрѣну вовсе нѣтъ, 32) 100 кочней капусты отъ 8 до 10 р.; 33) 100 шт. соленыхъ огурцовъ 4 р.; 34) пудъ картофеля иногда доходитъ до 2 руб. 50 коп.; пудъ гречневой крупы 1 р. 25 коп.

На предметы, привозимые изъ Россіи (Петербурга, Москвы), налагаютъ чудовищныя цѣны, такъ напр., за одинъ мерзлый лимонъ (ихъ здѣсь только и продаютъ мерзлыми) надобно заплатить 1 рубль, а за игру картъ 3-го разбора—3 р.

Вообще здѣсь и помину нѣтъ о копѣйкахъ; мѣриломъ почти всего рубль. Платишь, положимъ, какому нибудь рабочему, за сдѣланную мелкую какую нибудь услугу 25 к. или полтинникъ, онъ прехладнокровно осматриваетъ эту подачу на ладони, поглядывая на васъ съ ироническою улыбкою, измѣряя при томъ глазами съ головы до ногъ и ост. навѣшываясь на сапогахъ, какъ бы на исходной точкѣ оцѣнки подавателю и, не кивнувъ даже въ знакъ благодарности головою, уходитъ, почесывая затылокъ. Съ лагемъ же дѣло еще хуже. Прислуга чрезвычайно избалована.

Въ первый день прибытія моего въ Николаевскъ, прогуливаясь по улицамъ, съ цѣлью осмотрѣть городъ, я нечаянно наткнулся на продажу ягодъ малины подъ окномъ одного дома, небольшою поселенскою дѣвочкою; всѣ ягоды помѣщались на крошечной мелкой тарелкѣ; покупательница подала ей рублевую бумажку и не потребовала сдачи. А между тѣмъ, какъ я убѣдился на другой же день, во время ботанической экскурсіи, что малинника очень много, тутъ же за городомъ въ густыхъ кустарникахъ, и собраніе ягодъ не составляетъ большаго труда. Въ Николаевскѣ, кромѣ ягодъ малины, продаютъ: голубицу, бруснику, морошку, клюкву и рябину; затѣмъ никакихъ другихъ ягодъ, ни древесныхъ плодовъ, какъ-то: грушъ, яблокъ, сливъ, вишенъ вовсе нѣтъ¹⁾. Во всемъ городѣ нѣтъ ни березы, ни фруктоваго дерева. Небольшіе садики около домовъ состоятъ изъ одного клена, рябины, липы, сирени и пр. Палисадники передъ окнами нѣкоторыхъ домовъ украшены довольно хорошими цвѣтущими растеніями, принадлежащими по большей части амурской флорѣ, а также перенесенными изъ южно-усурійскаго края.

Что же касается постройки домовъ, то она почти во всемъ городѣ проведена на жпвую нитку и притомъ изъ сыраго матеріала (сосна, пихта); поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что такіе дома зимою очень холодны. Вѣтеръ дуетъ сквозь огромныя щели въ стѣнахъ, отъ плохой перекладки сырыхъ бревенъ мохомъ, дуетъ изъ подъ пола, дуетъ изъ подъ потолка, дуетъ изъ окошекъ, не хорошо осмоленныхъ и оконпаченныхъ. Холодъ въ такихъ домахъ усиливается еще болѣе во время малоснѣжной зимы, которая притомъ способствуетъ развитію простудныхъ и катарральныхъ болѣзней. При обильномъ снѣгѣ, дома эти защищены отъ сквознаго вѣтра и тогда въ нихъ теплѣе и заболѣванія въ городѣ меньше (снѣгу иногда бываетъ выше крыши). Кромѣ этого большаго неудобства, еще каждый домъ наполненъ тараканами, клопами, блохъ очень мало; крысъ же такое множество во всѣхъ домахъ, что отъ нихъ нельзя уберечь не только съѣстныхъ припасовъ, но и другихъ предметовъ изъ домашней утвари, которую затаскиваютъ въ норы, навлекая тѣмъ нерѣдко подозрѣніе на прислугу. Онѣ гнѣздятся и подъ поломъ и въ стѣнахъ, за обоями и даже на потолкѣ, а ночью буквально ходятъ по головамъ спящихъ людей. Въ этомъ я лично убѣдился, когда на обратномъ пути острова Сахалина, въ проѣздѣ чрезъ Николаевскъ, надобно было провести двѣ ночи на квартирѣ.

Магазины николаевскихъ купцовъ не помѣщаются въ гостинномъ ряду; они устроены въ домахъ каждаго изъ нихъ, а какъ дома эти разбросаны по разнымъ улицамъ, слѣдовательно и магазины въ Николаевскѣ находятся на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Большая однаголь часть магазинновъ находится на главной улицѣ. Магазины эти ничѣмъ не отличаются отъ жилыхъ комнатъ, съ которыми и соединяются посредствомъ дверей, развѣ только болѣе значительными размѣрами; но за то

¹⁾ Привозятъ иногда изъ Китая, какъ рассказывали мнѣ, яблоки твердыя, малосочныя, безъ всякаго вкуса и притомъ мелкія; ихъ покупаютъ или десятками, или по штукѣ по 25 к. (иногда 15) за штукѣ.

они имѣютъ особенность, которой нельзя встрѣтить въ магазинахъ центральныхъ губерній въ Россіи, гдѣ каждый магазинъ заключаетъ въ себѣ однѣ какой нибудь отдѣлъ продаваемыхъ товаровъ. Здѣсь же, въ одномъ и томъ же магазинѣ, можно получить все, что только нужно, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ содержится одинаковый запасъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ для продажи; здѣсь все перемѣшано вмѣстѣ: чай, сахаръ, солонина, табакъ, свѣчи, дамскіе уборы, разные галантерейныя вещи, мука, крупа, соль, дамская и мужская обувь, масло, ветчина, сыръ, икра, бумага, готовые дамскіе платья, консервы, презервы, изящныя китайскія сахарницы и японскіе ящики для дамскихъ работъ, американская клеенка громадныхъ размѣровъ, сардинки, селедки, мыло, соболышья и лисья шкурки, легкая французская матерія для бальныхъ платьевъ, портеръ, джинъ, американскіе топоры и другія желѣзныя издѣлія, половыя щетки и пр. Все это на первый взглядъ и покажется странно, но очень выгодно для покупателя, которому пришлось бы тратить много времени для отысканія нужной для него вещи. По моему это придумано умно, и подобная продажа распространена и усвоена всею почти восточною Сибирью.

Въ Николаевскѣ лошадей мало, онѣ всѣ небольшого роста, но сильныя и сносныя къ скорой и продолжительной ѣздѣ; въ одну упряжку можно на нихъ дѣлать по 100 верстѣ. Такихъ лошадей держатъ и чиновники и купцы. Въ Николаевскѣ ѣздятъ по большей части на одноколкахъ, въ одну лошадь, безъ кучера, не исключая и дамъ. Пріѣзжающій или пріѣзжающая кудя нибудь съ визитомъ, оставляетъ лошадь съ экипажемъ на улицѣ вовсе не привязанную: лошадь такъ приучена, что можетъ простоять такъ и цѣлыя сутки, не тронувшись съ мѣста.

Такъ какъ Николаевскъ есть самый близкій отъ Сахалина (до 500 верстѣ отъ поста Дуэ), съ которымъ находитесь въ сношеніяхъ, то конечно мнѣ желательно было записаться кой-какими свѣдѣніями; я узналъ, что отъ сентября до половины декабря (а иногда и до конца мѣсяца) прекращается всякое сообщеніе между Николаевскомъ и Сахалиномъ. Во второй половины декабря отправляется на собакахъ первая почта на Сахалинъ, которая только на 16-й день, а иногда на 12-й приходитъ въ постъ Дуэ. Постъ этотъ есть самый ближайшій пунктъ на островѣ отъ Николаевска; постъ Корсаковский на югѣ острова (въ Анивѣ) лежитъ въ 800 в. отъ Николаевска, а постъ Муравьевскій еще дальше. Суда не ходятъ на Сахалинъ изъ Николаевска уже съ половины сентября. Амуръ замерзаетъ поздно, а Татарскій проливъ еще позже, такъ что въ послѣднихъ только числахъ декабря становится хорошая зимняя дорога, удобная для ѣзды на партахъ, по направленію на Сахалинъ и по рѣкѣ Амуру, до Маринска, Софійска, Хабаровки, Благовѣщенска и до Стрѣтенска, откуда уже начинается почтовое сообщеніе, совершенно удобное, правильное и постоянное. Осенніе мѣсяцы (сентябрь и октябрь) въ Николаевскѣ очень хорошіе, теплые, ясные.

1-е сентября 1871 года, въ 4 часа по полудни, перешли мы на клиперъ «Гайдамакъ», стоявшій, на рейдѣ, которому слѣдовало сдѣлать об-

ратный рейсъ въ Кронштадтъ. На клиперѣ отведены были очень удобныя мѣста всѣмъ лицамъ экспедиціи. На другой день мы снялись съ якоря, въ два часа по полудни. Здѣсь я былъ удивленъ такою стройностію, порядкомъ, пониманіемъ всѣми и каждымъ изъ лицъ принадлежащихъ къ клиперу своихъ обязанностей, тишиною и дисциплиною, — что все вниманіе мое было сосредоточено на распоряженіяхъ командира клипера, капитана 2 ранга г. Колтовскаго, котораго распоряженія, дѣлаемые непринужденно и спокойно, а при томъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, безошибочно можно сравнить съ ключемъ заводящимъ часы. Къ чести г. Колтовскаго слѣдуетъ отнести и то, что матросы имѣютъ здоровый и бодрый видъ, и при томъ чисто одѣты; одежду же ихъ составляли: синяя рубалка съ отложнымъ, широкимъ воротникомъ, низшее суконное платье, форменная фуражка и сапоги. Всѣмъ выходящимъ на палубу запрещается курить табакъ и всѣ должны быть въ шапкахъ, что строго соблюдается и матросами. Чистота и опрятность безукоризненны во всемъ.

По снятіи съ якоря 3 сентября, пройдя 12 верстъ, остановились на ночлегъ въ укрѣпленіи Чыбрахъ, такъ какъ въ это время было равноденствіе и Амуръ сильно волновался; но какъ еще было далеко до ночи, то, по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ пассажировъ, командиръ клипера отрядилъ шлюбку къ берегу, для обозрѣнія и прогулки. Я тоже воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать ботаническую экскурсію, и успѣлъ собрать нѣсколько растительныхъ видовъ приморской флоры, довольно впрочемъ скудной въ этой мѣстности, на горахъ, покрытыхъ не частымъ лѣсомъ, состоящимъ преимущественно изъ сосны небольшого роста, съ примѣсью пихты, ели и березы. Во многихъ мѣстахъ пройденнаго мною пространства, я встрѣчалъ тундры на значительныхъ даже возвышеніяхъ, покрытыхъ обильно багульникомъ *Ledum palustre var latifolium*. Всѣ почти растенія были отцвѣтшія. На слѣдующій день къ ночи брошенъ былъ якорь въ открытомъ морѣ (Татарскаго пролива), а 4-го сентября вечеромъ мы прибыли въ заливъ де-Кастри. Здѣсь клиперъ простоялъ два дня—5-е и 6-е сентября, по причинѣ сильнаго волненія Татарскаго пролива, какъ и въ предшествовавшіе дни нашего пути, причинившаго нѣкоторымъ изъ пассажировъ морскую болѣзнь, вслѣдствіе сильной качки; во второй же день (6 сентября) хотя было и тихо, но море еще совершенно не установилось: этимъ-то объяснилась причина раннихъ остановокъ клипера на ночлеги, — ибо въ это время на Татарскомъ проливѣ внезапно поднимаются штормы: мы застали въ Де-Кастри нѣсколько судовъ, шедшихъ съ провизіею въ постъ Дуэ и простоявшихъ уже двѣ недѣли, въ ожиданіи безопаснаго времени въ отплытію. Не смотря однакожъ на столь частыя и продолжительныя остановки и тревожное плаваніе, никто не могъ пожаловаться не только на недостатокъ на клиперѣ хорошей провизіи, но даже на недостатокъ винъ и лакомствъ, потому что обѣдъ, состоящій обыкновенно изъ 4-хъ здоровыхъ, сытныхъ и хорошо приготовленныхъ блюдъ, сопровождался еще разными закусками и десертомъ, а въ обыкновенное время подавались чай и кофе. Помѣщеніе на клиперѣ и столъ для всего состава экспедиціи нашей были казенныя.

Съ 6-го на 7-е сентября, въ 12 часовъ ночи, мы снялись съ якоря и по истеченіи 10-ти часовъ остановились не вдалекѣ острова очень непривѣтливой и суровой наружности, котораго гористая мѣстность, покрытая лѣсами, имѣла угрожающій видъ необитаемой пустыни. И въ самомъ дѣлѣ, это первое неприятное впечатлѣніе породило первую мысль: обитаема ли островъ или нѣтъ? — признаковъ невидно, но вдругъ изъ какого-то ущелья показался дымъ, — и пассажирамъ объявлено, что это постъ Дуэ. — Судорожно сжалась грудь, падленная какимъ-то тяжеломъ тревожнымъ чувствомъ и мысль блуждала между сдѣланнымъ уже утомительнымъ путемъ (12500 верстъ) и предстоящими лишениями на этой дикой мѣстности. Крѣпко взгрустнулось мнѣ и по неволѣ взяло раздумье! Но усилненная на минуту энергія проснулась снова при преобладающей мысли: вотъ обѣтованная земля!... и вотъ поприще для будущей дѣятельности, гдѣ я долженъ забыть и лишенія, и семью, а пожалуй даже и домъ Вожій, а только, вооружившись стойкимъ терпѣніемъ, ожидать, какъ говорится, у моря погоды, чтобы благополучно возвратиться въ Россію. Но возвращусь къ дѣйствительности: клиперъ не подошелъ къ пристани по причинѣ постоянно взволнованнаго берега Татарскаго пролива около поста Дуэ, гдѣ часто внезапное появленіе порывистаго вѣтра, въ особенности NO угрожаетъ судну выброшеніемъ на берегъ, что испыталъ на себѣ «Гайдамакъ» нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Бывали и такіе случаи, какъ разказывали мнѣ, что вышедшее изъ Де-Кастри судно должно было возвращаться обратно по нѣскольку разъ, не видя никакой возможности подойти къ посту, то за противнымъ вѣтромъ, то за густымъ туманомъ, недозволяющимъ разсмотрѣть мѣстность береговъ острова. Поэтому и нашъ клиперъ, бросивъ якорь въ двухъ верстахъ отъ берега, противъ каменно-угольныхъ копей, отправилъ насъ на шлюбкахъ до пристани поста Дуэ.

Постъ Дуэ, или Дуи, лежитъ на мѣстѣ того же названія, въ средней части острова Сахалина, на западномъ его берегу, между 51° и 52° сѣверной широты (ближе къ 51°) и расположенъ въ довольно обширной падц, какъ на плоскости ея, такъ и на боковыхъ уступахъ горъ, окружающихъ падь съ сѣверной стороны; съ южной же стороны тянется цѣль болѣе высокихъ и отвѣсныхъ горъ, покрытыхъ тайгою (лѣсомъ), гдѣ нѣтъ никакихъ построекъ. Падь эта начиналась отъ берега Татарскаго пролива ровною мѣстностью, идетъ въ прямомъ направленіи внутрь острова, къ востоку, и, расширившись въ небольшую площадь у подошвы горы, называемой здѣсь *сонкою* (гора, имѣющая коническую форму и широкое основаніе), поворачиваетъ въ лѣво къ сѣверовостоку, и немного въ право — къ востоку, раздѣляясь такимъ образомъ на двѣ вѣтви: *сѣверовосточную* и *восточную*. На уступахъ горъ первой вѣтви, почти у самаго ихъ основанія, построены небольшіе домики сѣльно-поселенцевъ, и эта мѣстность называется *Свободкою*; вторая же вѣтвь (восточная), на плоскости которой выстроены недавно двѣ казармы для сѣльно-баторжныхъ (одна для мужчинъ, другая для женщинъ) съ необходимыми службами, углубляется въ тайгу, занимающую большія

пространства, удаляясь внутрь острова по направлению къ востоку и югу. Образовавшаяся отъ расширенія главной пади впереди сопки небольшая площадь имѣеть неправильное, четырехугольное очертаніе; она замѣтно возвышена отъ стороны сѣвера, но вмѣстѣ съ тѣмъ и топкая отъ постояннаго стока родниковъ изъ горъ, такъ что для удобнаго прохода по этой возвышенной мѣстности положены довольно толстыя и широкія доски, но и тѣ очень скоро утопаютъ въ грязь. Со стороны востока, площадь эта отдѣлена отъ основанія сопки небольшимъ ручейкомъ, берущимъ свое начало въ горахъ, расположенныхъ за Слободкою. онъ протекаетъ чрезъ площадь съ сѣвера на югъ и соединяется съ другимъ ручьемъ, котораго русло гораздо шире. Этотъ послѣдній образовался изъ множества родниковъ, скрытыхъ въ горахъ съ восточной стороны поста и, проходя извилисто все протяженіе восточной вѣтви, покрытое преимущественно тальникомъ, по направленію къ западу, вливается въ Татарскій проливъ. Отъ соединенія этихъ двухъ ручьевъ, по правой сторонѣ сопки образовалась небольшая дельтообразная площадка, на которой построена гауптвахта. На ручьяхъ подѣланы небольшіе мосты, одинъ противъ сопки въ близкомъ отъ нея разстояніи, другой за гауптвахтою; отъ этого послѣдняго начинается плотина, ведущая къ казармамъ ссыльно-каторжныхъ.

Входъ въ постъ Дуэ, — прямо съ пристани, отъ которой и начинается главная улица поста; она довольно широкая, но тонкая, почему по обѣимъ ея сторонамъ прорыты вдоль канавы и подѣланы возвышенные настилки изъ досокъ. Она ведетъ прямо къ площади, оканчиваясь съ лѣвой стороны постовымъ лазаретомъ, а съ правой квартирою начальника поста. Постройки на лѣвой сторонѣ этой улицы слѣдующія: 1) собственный домъ купца Попова, имѣющаго тутъ же въ домѣ и лавку; 2) небольшой, довольно старій домикъ, въ которомъ помѣщалась прежде кухня и пекарня для ссыльно-каторжныхъ, когда не были еще выстроены для нихъ казармы совершенно отдѣльная; 3) казармы для постовой команды съ необходимыми позади нея службами, и 4) постовой лазаретъ на 15 больныхъ, въ которомъ помѣщается и аптека и квартира лекаря дуйской постовой команды. Все эти зданія выстроены въ одну прямую линію на плоскости. Пovyше ихъ, на уступахъ горъ, есть еще нѣсколько домовъ, принадлежащихъ къ главнѣйшимъ постройкамъ поста, а именно: на самомъ краю высокога обрывистаго берега, издали бросается въ глаза, по оригинальной архитектурѣ своей, домъ завѣдующаго ссыльно-каторжными Приморской области подполковника Романовича. Фронтальная часть дома несоразмѣрно высокая и узкая, въ два этажа, а притомъ укрѣпленная длинными подпорками, для безопасности отъ паденія, — уродливо торчитъ впереди остальной части дома длинной чересчуръ въ сравненіи съ вышиною, такъ что цѣлость этой постройки, смотря на нее издали и съ разныхъ сторонъ, представляется въ различныхъ видахъ и напоминаетъ собою мечеть, синагогу, крошечный пивоваренный заводъ и другія неразгаданнаго назначенія постройки; съ улицы же смотритъ насто-

лицемъ голубятникомъ. Пovyше и пониже этого оригинальнаго зданія, на недалекомъ отъ него разстояніи, стоитъ по одному поселенскому домику, носящему на себѣ печать крайней нищеты и разрушенія. Около нихъ огороды, чуть ли не въ аршинъ всего, какъ въ длину, такъ и въ ширину. Направо отъ дома завѣдывающаго ссыльно-каторжными, шагахъ въ двадцати, на уступѣ горы, образуящемъ небольшую, узкую площадку, стоятъ рядомъ два дома для квартиръ штейгеровъ горнаго вѣдомства и смотрителя ссыльно-каторжныхъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, въ одной линіи, — домикъ дѣлопроизводителя ссыльно-каторжныхъ. Ко всѣмъ домамъ съ главной улицы проложена узкая тропинка, снабженная деревянными ступеньками, по которой зимою и во время гололедицы нѣтъ возможности взобраться на гору.

Съ правой стороны улица начинается: 1) стоящими рядомъ другъ возлѣ друга двумя амбарами, для склада вещей, провизіи и прочей рухляди, принадлежащей ссыльно-каторжнымъ; они стоятъ на столбикахъ вышиною болѣе чѣмъ въ аршинъ. 2) Тутъ же рядомъ постройка, похожая на амбаръ, состоящая изъ одной большой и свѣтлой комнаты (сѣней нѣтъ; входъ прямо съ улицы), гдѣ содержатся околоточные выдвораживающіе больные изъ ссыльно-каторжныхъ, а также больные съ легкими, наружными поврежденіями, не требующія больничнаго леченія. 3) Кухня постовой команды; за нею, нѣсколько саженей пусто-рожняго мѣста, по срединѣ котораго, на одной линіи съ постройками, стоитъ пушка небольшого калибра, давнымъ давно выслужившая срокъ, вся покрытая ржавчиною, какъ бы сѣдинами старости, но все-таки угрожающая своимъ дуломъ, направленнымъ въ хребты противоположныхъ горъ. Она предназначена для исполненія своей обязанности, три раза только въ годъ, а именно: 1) дѣлать одинъ выстрѣлъ при наступленіи новаго года, ровно въ 12 часовъ ночи; 2) три или больше выстрѣловъ; на Крещеніе, въ 9 часовъ утра, или около того времени, т. е. въ ту именно пору, когда обыкновенно бываетъ въ Россіи троевратное погруженіе Креста въ Иорданъ, и 3) во время заутрени Свѣтлаго праздника въ семь послѣднемъ случаѣ число выстрѣловъ не опредѣляется положительною цифрою; оно зависитъ какъ отъ усмотрѣнія начальника поста, такъ и отъ вдохновенія его дѣлопроизводителя, штабсъ-капитана Повало-Швейковскаго. 4) Домъ начальника поста съ небольшимъ около него палисадникомъ и 5) домъ для прислуги начальника поста, въ которомъ имѣется отдѣльная компата для субалтернъ-офицера и отдѣльное помѣщеніе для кухни.

Позади этихъ домовъ на остальномъ пространствѣ плоскости находится постройка различныхъ формъ и величины и стоящая гдѣ попало, смотря по удобности мѣста: мастерскія, кузницы, малая избушка, гдѣ выдѣлываютъ кирпичъ, частныя кладовыя, погребъ, ледникъ, конюшня для трехъ четырехъ, казенныхъ лошадей горнаго вѣдомства; сарай для собакъ постовой команды, употребляемыхъ зимою для перевозки почтъ въ Николаевскъ, небольшое строеніе, названное богадѣльнею, гдѣ помѣщаются дряхлыя старухи изъ ссыльныхъ, окончившихъ сроки ваторги;

на болѣе же пространномъ и открытомъ мѣстѣ построена для солдатъ гимнастика, которой обучаетъ самъ начальникъ поста. Кромѣ того на самомъ краю поста, у самаго берега Татарскаго пролива, стоятъ уединенно полуразрушившіяся и оставленныя владѣльцами своими избышки, которыя вѣроятно когда-то принадлежали къ числу первыхъ построекъ при начальномъ населеніи поста Дуэ. На одной линіи съ этими развалинами, при впаденіи ручья въ Татарскій проливъ, т. е. на набережной противъ пристани, построенъ амбаръ, принадлежащій поставой командѣ; крыша его выкрашена кирпичнаго цвѣта краскою, почему онъ первый изъ всѣхъ строеній бросается въ глаза уже издали, и видъ его, безъ преувеличенія скажу, смягчаетъ отчасти то непріятное впечатлѣніе, которое производитъ первый взглядъ на угрюмую обстройку поста.

Начинающаяся отъ главной улицы *площадь* обстроена такимъ образомъ: пройдя улицу и миновавъ домъ начальника поста въ прямомъ направленіи, съ правой стороны площади стоятъ три дома не далеко другъ отъ друга: *первый* казенный (вновь выстроенный), названный канцелярією горнаго вѣдомства, гдѣ помѣщается и старшій инженеръ А. П. Кепенъ; *второй* домъ младшаго инженера (собственный), несовершенно еще конченный, и *третій* домъ поселенца, отдаваемый въ наемъ. По лѣвую сторону площади, у основанія покатоі горы, стоитъ, прислонившись къ ней, небольшая избышка (объ одной комнатѣ), предназначенная для фельдшера дуйской поставой команды. Избушка эта была моею квартирою въ продолженіе девяти мѣсяцевъ. Въ двухъ шагахъ за нею, въ особой оградѣ, находится домикъ поселенца Спички, торгующаго въ Дуэ разною мелочью и получающаго громадныя барыши; передняя стѣна этой ограды, протянутая къ сопкѣ, заполняетъ остальную часть лѣвой стороны площади. — Сопка дѣлаетъ изъ себя натуральную стѣну для площади съ востока, и расположена противъ западной линіи площади, состоящей изъ задняго фасада поставаго лазарета съ принадлежащими къ нему постройками.

На уступахъ сопки, обращенныхъ къ югу, находится нѣсколько поселенскихъ домиковъ, довольно уже старыхъ, покосившихся, и притомъ съ продыравленными крышами, гдѣ занимаютъ квартиры жены нѣкоторыхъ солдатъ поставой команды. — Пovyше этихъ избышекъ, на склонахъ сопки замѣчаются клочки обработанной земли, занятыя огородами, за которыми еще немного повыше устроено кладбище для лицъ христіанскихъ исповѣданій; воюйниковъ же иныхъ исповѣданій (магометанъ, евреевъ), хоронятъ по другую сторону горы. Напротивъ этой мѣстности, немного правѣе (къ востоку), построены въ восточной части казармы для ссыльно-каторжныхъ, между двумя хребтами громаднхъ горъ. Напротивъ казармъ, у подошвы горы, находится старая уже постройка въ родѣ жилого дома, имѣющая два отдѣленія, разъединенныя посредствомъ стѣней; въ одномъ изъ нихъ баня, въ другомъ — столовая.

Свободка, занимающая всю сѣверовосточную надъ и расположенная на уступахъ отлогихъ горъ, образующихъ собою вогнутую дугу, лежитъ какъ бы въ котловинѣ, защищенной съ трехъ сторонъ горами; съ чет-

вертой же стороны есть свободный проходъ отъ площади. Во всю длину плоскости прѣтекаетъ ручей, на которомъ устроенъ мостикъ для перехода поперекъ Слободки съ одной стороны на другую. Лѣвая сторона Слободки (отъ входа съ площади), обстроена нѣсколькими поселенскими домиками, расположенными на уступахъ горъ и имѣющими позади небольшіе огороды, — начинается домою поселенца Стишки и оканчивается вновь произведенною постройкою для кухни и прачешной больницы ссыльно-каторжныхъ, стоящей на противоположной сторонѣ, у самаго основанія сопки. Постройка эта, полуотдѣланная на скорую руку, болѣе трехъ мѣсяцевъ служила квартирою для предѣдателя нашей комисіи В. И. Власова и для графа А. П. Баранова. Больница ссыльно-каторжныхъ, устроенная на 15 человекъ, окончена только въ 1870 году; она очень удобная, сухая, свѣтлая и содержится въ отличномъ порядкѣ завідующимъ ею врачомъ дуйской поставой команды Н. Зражевскимъ. Посреди въ Слободки на плоскомъ мѣстѣ стоитъ небольшая деревянная часовня и при ней постройка въ видѣ кладовой, гдѣ обыкновенно ставятъ тѣла какъ умершихъ солдатъ поставой команды, такъ и ссыльно-каторжныхъ. Въ часовнѣ службы не бываетъ за неизмѣнимъ священника.

Въ небольшомъ разстояніи отъ пристани (четверть версты) къ сѣверу, на обрывистомъ берегу высокихъ горъ, находится довольно обширная ровная мѣстность; на ней построены маякъ и при немъ два дома: одинъ для начальника маяка (изъ числа морскихъ офицеровъ), другой для его малочисленной команды. Тутъ еще выстроена небольшая баня. Всѣ вообще постройки въ посту Дуэ деревянные, ветхія и большею частію построенныя на скорую руку изъ сырого матеріала (пихты), а потому и довольно холодныя. Каждый домъ обнесень кругомъ насыпью земли, туго набитой и удерживаемой деревянною связью изъ жердей, досокъ или плетня. Трубы на домахъ по большой части выведены на задней сторонѣ, ниже уровня крыши такъ, что ихъ спереди совершенно не видно. Внутренность домовъ не отличается особенною опрятностію и чистотою; вездѣ множество таракановъ, прусаковъ, клоповъ, мышей и въ особенности крысъ; блохъ мало. Порода здѣшнихъ мышей составляетъ особый видъ, совершенно различный отъ европейскихъ: рыльце ихъ чрезвычайно узкое; онѣ очень малы и не оказываютъ той быстроты въ движеніяхъ какою обладаетъ наша обыкновенная домашняя мышь, не боятся людей и легко приручаются. Цвѣтъ ихъ кожи — темнорыжий — мышей эльхъ я встрѣчалъ очень часто въ дуплахъ деревьевъ и въ норахъ, при древесныхъ корняхъ, какъ лѣтомъ такъ, и зимою.

Берега острова Сахалина, на всемъ протяженіи мѣстности, занимаемой постомъ Дуэ, представляются попеременно то скалистыми, неровными, обрывистыми и отвѣсными, то отлогими, постоянно обсыпающимися въ мѣстахъ обнуженныхъ, то вдавливающимися впередъ, то какъ бы вдавленными въ глубь острова. Неровности эти происходятъ отъ горныхъ хребтовъ и падей: горные хребты, развѣтвившись гдѣ-то далеко внутри острова змѣеобразно, направляются извилисто отъ востока къ

Татарскому проливу и тутъ, по большой части скалистые хребты оканчиваются обрывистыми краями, выдвигаясь впередъ передъ прочими. Одинъ изъ такихъ хребтовъ образуетъ собою мысъ Ходжи (на право отъ п. Дуэ), отъ котораго, при господствующихъ штормахъ на морѣ и во время мятелей, зимою обрываются громадныя куски скалы, загромадающіе проходъ, проложенный у самаго мыса. Такимъ образомъ отъ выдвинувшихся впередъ горныхъ хребтовъ съ сѣверной и южной стороны поста Дуэ образовались два береговые вступа, названные «мысами»: сѣверный мысъ называется «Жонкьеромъ», южный носитъ названіе «Ходжи». Подходя къ мысу Жонкьера отъ пристани, вблизи его на берегу Татарскаго пролива, находится скала, выдвинутая надъ поверхностью воды и имѣющая значительное углубленіе внутри, — ее называютъ здѣсь «воротами». — За мысомъ Жонкьера, повернувъ немного вправо, къ сѣверо-востоку, стоятъ тоже въ водѣ рядомъ другъ возлѣ друга, два массивные и высокіе камни, которымъ дано названіе «Два брата». Пройдя отъ этого мѣста не болѣе $\frac{3}{4}$ версты, по направленію къ востоку, видно нѣсколько гиллицкихъ юртъ, расположенныхъ на ровномъ, песчаномъ берегу острова; юрты эти въ настоящее время оставлены гиллянами, удалившимися внутрь острова, въ надеждѣ отыскать болѣе прибыльные и удобныя мѣста для своего звѣринаго промысла. Въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ гиллицкихъ юртъ, къ востоку, на довольно обширной равнинѣ, съ южной стороны окруженной горами и расположенной по обѣимъ сторонамъ рѣки Дуэ, впадающей въ Татарскій проливъ, находится земледѣльческая ферма Дуэ, заселенная сельными, окончившими срокъ каторжной работы.

Береговые обнаженія между мысами Жонкьера и Ходжи, показываютъ преобладаніе глинистыхъ песчаниковъ, богатыхъ окаменѣlostями юрской формаціи: двустворчатыми, раковинами и аммонитами, которыхъ впрочемъ болѣе значительное количество отыскивается за мысомъ Жонкьера и въ 5 верстахъ за земледѣльческою фермою Дуэ, въ горахъ. Вблизи мыса Ходжи значительныя пространства песчаника, образующаго высочія, отвѣсныя горы, — заключаютъ въ себѣ громадное количество отпечатковъ, по преимуществу растительныхъ, какъ-то: отпечатки лпстьевъ, стеблей, стручковатыхъ плодовъ и колосьевъ, между которыми встрѣчаются и отпечатки небольшихъ раковинъ.

Къ сѣверу отъ поста Дуэ, между нимъ и мысомъ Жонкьера, гдѣ встрѣчается болѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ перегорѣлыхъ песчаниковъ, тянутся громадныя пласты каменнаго угля, имѣющіе направленіе отъ сѣвера къ югу и углубляющіеся внутрь острова къ востоку, какъ въ этомъ удостовѣрился, въ маѣ мѣсяцѣ 1872 г., старшій горный инженеръ г. Келень, дѣлавшій развѣдки въ горахъ, расположенныхъ позади того мѣста, гдѣ нынѣ добывается каменный уголь. На всемъ томъ пространствѣ, гдѣ замѣчаются пласты каменнаго угля, а также и во многихъ другихъ мѣстахъ, попадаетъ много *монита* въ кускахъ различной величины и не въ одинаковой степени образованія. Кромѣ того изрѣдка отыскиваются небольшіе куски *кокса*. Толщина пластовъ не вездѣ одинакова; качество его очень хорошее (по крайней мѣрѣ такой отзывъ

зпатоковъ.)—При добываніи каменнаго угля, встрѣчаются очень частые сдвиги пластовъ, причиненные вѣроятно вулканическими сотрясеніями.

Вотъ краткій очеркъ вида поста Дуэ, въ отношеніи его застройки и наружныхъ его береговъ. Что же относится исключительно заселенной лишь мѣстности, находящейся въ пади, — то мѣстность эта представляется въ видѣ мрачнаго ущелья среди горъ, испещренныхъ пнями отъ вырубленныхъ деревьевъ и кое-гдѣ только покрытыхъ клочками тайги (лѣса), состоящей преимущественно изъ пихты и ели, полуиссохшихъ и полуобгорѣвшихъ отъ часто случающихся здѣсь паловъ. Въ ущельѣ этомъ постоянно царствуетъ гробовое молчаніе, котораго никогда почти не нарушаютъ ни голосъ птицы, ни жужжаніе насѣкомаго; по временамъ только вой и свистъ порывистаго вѣтра, какъ бы перекликивающагося съ морскимъ шумомъ и всплесками взволнованнаго берега Татарскаго пролива, — разгульно носится надъ этой живою могилою, гдѣ заживо уже погребены выброшенные изъ общества люди, зачумленные порокомъ и отгнѣченные клеймомъ преступленія. Угрюмая физиономія поста Дуэ принимаетъ болѣе суровый и мрачный видъ во время лѣтнихъ тумановъ и зимнихъ мятелей, называемыхъ *пургами*. Туманы, лѣтомъ преимущественно образующіеся на Татарскомъ проливѣ, наполняютъ постепенно всю Дуйскую долину, откуда, сгущенные на подобіе облаковъ или дыму, широко лентою тянутся обыкновенно внутрь острова по направленію къ востоку или юговостоку, — рѣже къ сѣверу. Появляющіяся зимою пурги до того иногда бываютъ свирѣпы, что, по словамъ жителей, въ Дуйской пади, дѣлается тогда «настоящее свѣтопреставленіе»: среди совершенно яснаго дня вдругъ становится туманно, а затѣмъ совершенно темно. Неистово бѣнующійся вѣтеръ, стремительными порывами захватываетъ массы снѣга изъ горныхъ хребтовъ и запруживаетъ имъ всю падь; съ Татарскаго же пролива, отъ стороны пригани, несутся съ ревомъ вѣтра снѣжные столбы прямо на главную улицу поста, гдѣ они ложатся въ громадные сугробы, образуя изъ себя одну сплошную гору во всю длину улицы и покрывая собою все на ней находящіяся строенія; въ довершеніе же этого, мельчайшая, снѣжная пыль, наметаемая во все стороны взволнованнымъ воздухомъ, врывается въ малѣйшія отверстія жилыхъ домовъ. Тогда прекращается на время всякое движеніе въ посту Дуэ, приостанавливаются работы на открытомъ воздухѣ, а о сообщеніи между домами и думать невозможно.

Однакожъ такое состояніе пурги бываетъ въ снѣжную только зиму и преимущественно въ то время, когда Татарскій проливъ отъ береговъ своихъ покроеся сплошнымъ льдомъ на весьма далекое пространство. Зима, проведенная мною въ посту Дуэ съ 1871-го на 1872 годъ, принадлежала къ числу малоснѣжныхъ, а потому и на случавшіяся нѣсколько разъ пурги здѣшніе жители мало обращали вниманія, продолжая свои обычныя занятія на открытомъ воздухѣ. Я однакожъ два дня съ ряду нерѣшался выходить изъ квартиры, по причинѣ мятели, къ которой такъ равнодушно относились дуйскіе старожилы: буквально въ 3-хъ или 4-хъ шагахъ не видно было человѣка, занимавшагося рубкою дровъ на дворѣ;

нату же нельзя было сдѣлать безъ того, чтобы не поворачиваться лицомъ то въ право, то въ лѣво, то обернуться спиною къ порывистому вѣтру, ослѣпляющему глаза хлопьями снѣга или снѣжною пылью. Хуже всего то, что при постоянныхъ поворотахъ тѣла очень скоро теряется соображеніе мѣстности и неизвѣстно куда идти.

Высказанный мною взглядъ на угрюмую физиономію поста Дуэ ничего не имѣетъ общаго съ взглядомъ на эту мѣстность въ отношеніи колонизаціи. Человѣкъ такъ созданъ, что легко свыкается съ окружающею его средою. Вся важность заключается въ благопріятныхъ условіяхъ къ жизни:— не вредный для здоровья климатъ, доброкачественная вода, необходимая пища и одежда,—вотъ все, что нужно для человѣка, поставленнаго въ исключительное положеніе; этимъ же всѣмъ потребностямъ, при содѣйствіи администраціи, удовлетворить можетъ не только одинъ постъ Дуэ, но и весь почти островъ, а въ особенности южная его полоса, такъ какъ и климатическія условія тому не препятствуютъ. Климатъ въ посту Дуэ суровѣе того, какой замѣчается въ южной полосѣ Сахалина. Морозъ рѣдко когда переходитъ за 25°, тогда какъ напримѣръ въ Пермской губерніи онъ достигаетъ 40 градусовъ; разница однакожъ состоитъ въ томъ, что при морозѣ въ 40° въ Пермской губерніи нѣтъ ни малѣйшаго колебанія въ воздухѣ, между тѣмъ какъ въ посту Дуэ, при постоянныхъ, почти круглый годъ, вѣтрахъ, морозы въ 25° становятся весьма чувствительными. Сентябрь и октябрь мѣсяцы бываютъ очень хорошіе, ясные и довольно теплые (относительно европейскихъ) съ изморозью по утрамъ. Здѣсь разводятся свекла, капуста, картофель, морковь, рѣпа и даже огурцы въ парникахъ, и, не смотря на весьма позднее появленіе весны и раннюю осень, все это поспѣваетъ во-время. Что же касается взгляда на климатъ съ точки зрѣнія гигиенической, то, на сколько убѣдился я лично въ продолженіе девятимѣсячнаго пребыванія на островѣ Сахалинѣ, и на сколько вѣрны заявленія врача дуйской поставой команды (находящагося въ Дуэ нѣсколько лѣтъ на службѣ) о безвредности климата, утвердительно могу сказать, что вліяніе климатическихъ условій не причинило до сихъ поръ никакого вреда здоровью здѣшняго населенія, и между жителями поста Дуэ никогда не появлялись эпидемическія болѣзни, за исключеніемъ развѣ ревматическихъ и катаральныхъ страданій; но и эти послѣднія вызываемы были, въ большей части случаевъ, небережаніемъ себя отъ простуды. Всѣ за тѣмъ болѣзни, съ которыми поступаютъ въ больницу сѣльно-каторжные, и отъ какиихъ лечатся на домахъ своихъ поселенцы, находятся въ прямой связи съ родомъ ихъ занятій, отчасти же съ прошлою ихъ жизнію, проведенною въ острогахъ. Такимъ образомъ: 1) Работы на открытомъ воздухѣ весною, а въ особенности осенью, въ сырую большую частію погоду, сопровождаемую сѣверовосточными, холодными вѣтрами, располагаютъ къ простуднымъ горячкамъ, ломотѣ и катаррамъ. Лѣтомъ чаще всего появляются поносы и воспаленія глазъ, чисто травматическаго свойства (отъ песчаной пыли). Зимой же, при продолжительныхъ мятеляхъ, случаются воспаленія легкихъ, ревматизмы, жаба и другія воспалительныя болѣзни.

2) Разработка каменного угля въ штольняхъ, гдѣ воздухъ, не взирая на устроенную вентиляцію, во первыхъ спертый, а во вторыхъ постоянно сырой отъ просачивавія воды сквозь почву,—гдѣ вывозка каменного угля изъ штольней производится почти ползкомъ по низкимъ и всегда мокрымъ коридорамъ, причиняетъ рабочимъ вередъ, разнаго рода сыпи, ломоту ногъ и дышу; у субъектовъ же, страдающихъ давно хроническимъ поражениемъ легкихъ, поражение это усиливается и принимаетъ скоротечный характеръ. 3) Во время производства работъ, какъ на открытомъ воздухѣ, такъ и въ каменнугольныхъ коняхъ, рабочіе подвергаются случайнымъ наружнымъ поврежденіямъ, какъ-то: ушибамъ, вывихамъ, переломамъ, порубамъ, порѣзамъ и пр., которые повторяются ежедневно и вездѣ, при работахъ, вызванные простымъ случаемъ, или собственною неосторожностію. За тѣмъ къ болѣзнямъ, зависящимъ отъ климатическихъ условій, можно отнести только катарры дыхательныхъ органовъ и ревматизмъ.

Принявъ въ соображеніе, съ одной стороны, все вышеизложенное о климатическихъ условіяхъ, съ другой же анализируя ту мысль, что угрюмая мѣстность для человѣка, привыкшаго къ общезитію, въ теченіе многихъ лѣтъ будетъ самымъ тяжелымъ гнетомъ и заставитъ многія заковѣнныя натуры чувствовать всю тяжесть наказанія и гнусность своихъ злодѣяній, нельзя не согласиться, что мѣстность поста Дуэ какъ нельзя болѣе для того пригодна. Она вполнѣ отвѣчаетъ и цѣли своего назначенія и видамъ правительства, избравшаго островъ Сахалинъ для ссылки, гдѣ для преступника заперты все выходы крѣпкимъ и неподкупнымъ ключемъ, а именно вокругъ лежащимъ моремъ.

Начиная отъ поста Дуэ по направленію къ югу, находятся еще слѣдующіе посты: *Кусунай* и *Мануэ*; по восточному берегу острова: *Тихоменевскій* (въ 20 верстахъ отъ него Апское селеніе Тарайка), *Мануэ*, *Найбучи*, *Охчепохо*, въ *Анивъ* — постъ *Корсаковскій* (рядомъ японское селеніе Касунъ Катанъ, мѣстопробываніе японскаго губернатора), *Чиписани* (рядомъ японское селеніе того же названія) и постъ *Муравьевскій*.

Сверхъ этихъ постовъ, устроены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ станціи, а именно: между Кусунаемъ и Мануэ находится станція *Смѣтанинская*; между Мануэ и Найбучи станція *Отогаю*; между Найбучи и Корсаковскимъ постомъ—станція *Такой*.

II.

Населеніе Дуэ.—Ссылно-каторжные и ихъ работы рудничная, строительная и земледѣльческія.—Служащіе и ихъ бытъ.—Сношенія русскихъ съ инородцами.

Большинство населенія въ посту Дуэ составляютъ: 1) ссыльно-каторжные, которыхъ въ 1871 году было около 550 человекъ, въ томъ числѣ въ 50 женщинъ. Къ нимъ слѣдуетъ причислить еще нѣсколько семействъ ссыльно-поселенцевъ, окончившихъ уже сроки каторги, и болѣе 10 женъ ссыльно-каторжныхъ, добровольно послѣдовавшихъ съ

дѣтьми за своими мужьями¹⁾. 2) Поставая команда для караула арестантовъ, состоящая изъ 200 нижнихъ чиновъ Восточно Сибирскаго линейнаго баталіона подъ завѣдываніемъ начальника поста, при которомъ состоятъ: два субалтернъ-офицера, и одинъ дѣлопроизводитель (военнаго вѣдомства). При командѣ находится врачъ (пользующій и ссыльно-каторжныхъ) и фельдшеръ. 3) Начальникъ дѣйскаго маяка, изъ оберъ-офицеровъ морскаго вѣдомства, имѣющій подъ своею командою нѣсколько матросовъ. 4) Чиновники управленія по вѣдомству ссыльно-каторжныхъ, какъ-то: завѣдующій ссыльными всей Приморской области (полковникъ Романовичъ); при немъ состоятъ дѣлопроизводитель, бухгалтеръ и смотритель тюрьмы ссыльно-каторжныхъ; 5) чиновники горнаго вѣдомства: два инженера (старшій и младшій) и два штейгера; 6) представителемъ торговаго сословія находится въ посту Дуэ купецъ Поповъ, имѣющій здѣсь свой собственный небольшой домъ. Вообще, все населеніе въ посту Дуэ, включая и дѣтей, простирается до 800 человекъ.

Нижніе чины поставой команды помѣщаются въ казармѣ, построенной на лѣвой сторонѣ главной улицы поста; она довольно просторная и удобопомѣстительная, но не имѣетъ хорошей наружности; воздухъ въ ней немного сырой отъ того, что зданіе стоитъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ образовался стокъ воды изъ ключей, берущихъ свое начало въ близлежащихъ горахъ; вода постоянно накапливается въ подпольѣ, откуда струится постоянно въ канаву, проведенную вдоль улицы. Казарма состоитъ изъ трехъ комнатъ; первая занята вся поставою командою; во второй отведено (сверхъ команды) помѣщеніе для канцеляріи начальника поста²⁾, а въ третьей, самой послѣдней, — въ переднемъ углу, помѣщенъ кіотъ съ образами, передъ которымъ стоитъ паникадило. Здѣсь-то, въ праздничные и торжественные дни, читаются молитвы и часы въ присутствіи нижнихъ чиновъ поставой команды и чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

Ссыльно-каторжные содержатся въ казармѣ, оконченной только въ декабрѣ мѣсяцѣ 1871 г. Устройство казармы хорошее, помѣстительное; воздухъ постоянно очищается достаточною вентиляціею, соблюдается надлежащая чистота, и въ отношеніи содержанія заведенъ строгій порядокъ. Жены ссыльно-каторжныхъ съ ихъ дѣтьми, добровольно послѣдовавшія за мужьями, живутъ въ лачужкахъ, построенныхъ на скорую руку ссыльно-каторжными, въ свободное отъ работы время.

Поселенцы, окончившіе срокъ каторги, имѣютъ собственные свои домики; всѣ почти обзавелись хозяйствомъ, а нѣкоторые успѣли даже сколотить небольшой капиталецъ, какъ напр. поселенецъ Спичка.

За тѣмъ всѣ чиновники, какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, имѣютъ квартиры въ казенныхъ домахъ, въ которыхъ, въ случаѣ надобности, дѣлаютъ, на свой счетъ, разнаго рода починки и передѣлки.

¹⁾ Кромѣ каторжныхъ, находящихся въ Дуэ, есть еще около 100 м. и до 30 ж., въ постахъ южнаго русскаго Сахалина (въ Анивѣ).

²⁾ Канцелярія завѣдывающаго ссыльно-каторжными помѣщается въ домикѣ одного изъ поселенцевъ по найму.

Въ частыхъ же починкахъ нуждаются вообще всѣ постройки носта Дуэ, такъ, какъ всѣ онѣ строены на скорую руку и изъ сыраго матеріала, а при томъ большая часть изъ нихъ совершенно обветшала. Какъ образчикъ послѣднихъ, представляю мою квартиру, избранную мною, за недостаткомъ лучшей, въ хижинкѣ, занимаемой фельдшеромъ. Домикъ, болѣе 12 аршинъ въ длину, въ ширину же и того меньше, заключалъ въ себѣ жилую комнату, сѣни и кладовую. Наружность его представляетъ видъ деревенской, ветхой избушки; стѣны сложены изъ кругляковъ, неплотно пристающихъ другъ къ другу и недостаточно переложенныхъ мохомъ; крыша, сдѣланная изъ теса и во многихъ мѣстахъ продырявленная, даетъ свободный проходъ дождю и снѣгу, вѣдствие чего въ жилищѣ сырость и холодъ. Наружная труба совершенно разрушена и напоминаетъ о себѣ нѣсколькими только уцѣлѣвшими кирпичами и зияющимъ отверстіемъ въ крышѣ. Окна величиною въ $\frac{3}{4}$ аршина.

При домикѣ имѣется небольшая пристройка, на подобіе навѣсика, ведущая въ сѣни. Навѣсикъ этотъ сколоченъ изъ кусковъ дерева, неплотно прилегающихъ другъ къ другу, отчего образовались въ стѣнкахъ его скажины и значительныя отверстія. Изъ навѣсика ведетъ дверь въ довольно обширныя сѣни, которыхъ внѣшняя постройка подобна навѣску. Затѣмъ изъ сѣней входъ въ жилую комнату. Всѣ двери такъ низки, что входить въ нихъ нужно согнувшись, высота ихъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина; ширина значительно не соответствуетъ ихъ вышинѣ. Жилая комната имѣетъ 6 аршинъ длины, $4\frac{1}{2}$ арш. ширины, и высота ея 2 арш. $4\frac{1}{2}$ верш. Стѣны обмазаны глиною, толстые слои которой, находящіяся между пазами кругляковъ, во многихъ мѣстахъ обвалились, отъ чего образовались сквозныя щели, пропускающія холодъ, вѣтеръ и сырость. На стѣнахъ замѣчались пожелтѣвшія полосы, образовавшіяся отъ течи; та же причина разукрасила и потолокъ различными затѣйливыми узорами. Полъ грязный, разохшійся, скрипучій, весь въ скажинахъ и дырахъ, прогрызенныхъ крысами. Болѣе всего поразила меня своимъ безобразіемъ и громадностію неуклюжая печь, занимавшая ровно четвертую часть комнаты и стоявшая у самыхъ дверей; она оказалась полуразрушенною, и долгое время оставалась безъ починковъ, ибо хозяйинъ дома, не нуждаясь въ ней, приготавливалъ гдѣ-то пищу на сторовѣ. Печь, кромѣ своего безобразія, памятна еще мнѣ по наводненію моей квартиры, случившемуся ночью (на второй и третій день пробытія въ Дуэ), котораго она была главною причиною. Проснувшись утромъ, я былъ изумленъ громадномъ количествомъ воды, которое явилось въ моей комнатѣ, и, къ удивленію моему, вода эта какъ изъ трубы бѣжала изъ отверстія самой печи. Наводненіе это случилось отъ проливнаго дождя, во время шторма, бывшаго на Татарскомъ проливѣ, при чемъ, какъ объяснено въ послѣдствіи, масса воды черезъ трубу, имѣвшую сообщеніе съ печью, вливалась въ мою комнату. Не смотря на такую жалкую обстановку домика, все-таки я прожилъ въ немъ до 1 октября, т. е. до времени его починки, для которой потребовалось не болѣе трехъ недѣль.

На это короткое время, мѣстный врачъ предложилъ мнѣ одну комнату своей квартиры, находящейся въ постовомъ лазаретѣ.

Такихъ ветхихъ домиковъ, какъ моя квартира, въ посту Дуэ очень много, и всѣ они заняты жильцами такъ, что прибывающее въ постъ новое лицо встрѣчаетъ большое затрудненіе въ присканіи для себя гдѣ нибудь уголка. Еще болѣе встрѣчается затрудненій въ добываніи необходимой мебели, которую обыкновенно привозятъ изъ Николаевска, при удобномъ случаѣ; но, къ сожалѣнію, случаи эти бывають очень рѣдки, не болѣе двухъ, трехъ разъ въ годъ.

Изъ затруднительнаго положенія на счетъ мебели, вывелъ меня тотъ же предупредительный мой товарищъ, врачъ Зражевскій, которому, между прочимъ, обязанъ я и тѣмъ, что имѣлъ у него готовый столъ для себя, въ продолженіе девятимѣсячнаго пребыванія на островѣ. Мебель моей квартиры, отдѣланной почти заново, состояла изъ лазаретной рухляди, негодной уже къ употребленію, которую я по мѣрѣ возможности исправилъ. Квартира г. Власова и графа Баранова, спутниковъ моихъ по вояжу, не находилась въ лучшихъ условіяхъ; домикъ, ими занимаемый, хотя и былъ новъ, но не отстроены и квартира для нихъ была приготовлена на скорую рѣку; въ стѣнахъ, полу и потолокѣ были тѣ же скважинки и трещины, черезъ которыя, какъ и въ моей квартирѣ, дулъ вѣтеръ, проникалъ холодъ и сырость.

Находящіяся въ посту Дуэ сѣмьно-каторжныя, по ихъ занятіямъ, раздѣлены на три категоріи: одна часть ихъ назначена на рудничныя работы, другая занята постройками зданій, а остальные посланы на земледѣльческую ферму, въ 10 верстахъ отъ поста Дуэ, и названную *фермою Дуэ*. Въ послѣднюю категорію выбираются такіе сѣмьно-каторжныя, которые, во время заключенія своего, отличались хорошою нравственностію. Дѣйствительно, каторжныя этой категоріи, какъ мнѣ передавали, никогда не пытались къ побѣгу; никогда между ними не было буйствъ и особенныхъ безчинствъ, и вообще они на хорошемъ счету у своего ближайшаго начальника. Такимъ образомъ трудъ сѣмьно-каторжныхъ въ посту Дуэ распределенъ на три рода занятій: 1) рудничное, 2) строительное, и 3) земледѣльческое ¹⁾. Мы разсмотримъ каждое изъ нихъ отдѣльно.

1) *Рудничное занятіе*. Рудничныя работы сосредоточены на каменно-угольныхъ копяхъ, расположенныхъ въ 2 верстахъ отъ поста Дуэ, на западномъ берегу острова по направленію къ сѣверу. Громадныя залежи каменнаго угля отличаются богатствомъ какъ по количеству своему, такъ и по добротѣ. Въ настоящее время, какъ видно изъ краткаго отчета Б. Н. Власова, уголь добывается лишь въ такомъ количествѣ, какое необходимо для русскихъ военныхъ судовъ, какъ флотиліи Восточнаго океана, такъ и прибывающихъ къ восточнымъ портамъ изъ эскадры, находящейся въ Японскомъ и Китайскомъ моряхъ. Судя по заборамъ прошлыхъ лѣтъ,

¹⁾ Въ 1871 г. проведена дорога чрезъ горныя хребты отъ п. Дуэ, до земледѣльческой фермы Дуэ.—

среднее количество необходимаго угля можно опредѣлить въ 180 или 200 тысячъ пудовъ въ годъ, для добычи коихъ требуется не болѣе 150 рабочихъ, считая въ томъ числѣ устройство пристаней, баржъ, подвозку угля на суда и поддержку разныхъ построекъ, рудничныхъ и тюремныхъ. Развитие каменноугольнаго производства стоитъ въ прямой зависимости отъ сбыта его. Въ китайскихъ и японскихъ портахъ (какъ заявляли командиры русскихъ военныхъ судовъ, бывшіе въ этихъ портахъ въ послѣднее время) большой запросъ на уголь, куда можно было бы сбывать миллионы пудовъ, но потребны перевозныя средства. Правительство не выражало намѣренія устроить ихъ на свой счетъ, и потому необходимо было бы обратиться къ частной дѣятельности.

Разработка каменнаго угля, по своему процессу, принадлежитъ къ самымъ тяжелымъ работамъ, къ которымъ предназначены исключительно каторжные 1-го разряда, содержащіеся подъ строгимъ надзоромъ и закованые въ позные кандалы. Они изъ поста Дуэ (гдѣ содержатся постоянно въ казармахъ) отправляются ежедневно по утрамъ, за карауломъ, на каменноугольныя копи, отстоящія отъ поста въ двухъ верстахъ, и возвращаются на ночь въ казармы, окончивъ свою работу по заданнымъ урокамъ. Тутъ дѣлается имъ переключка, послѣ которой дается обѣдъ, замѣняющій собою мѣсто завтрака и ужина.

Работа въ каменноугольныхъ копияхъ заключается въ добычѣ каждымъ каторжнымъ ежедневно опредѣленнаго количества угля по заданному уроку и вывозкѣ его въ тачкахъ наружу. Вывозка производится по низкимъ (не болѣе 1½ арш. вышины), узкимъ (1 арш. ширины), и притомъ темнымъ коридорамъ, въ которыхъ непрерывно накапливается вода отъ просачиванія ея сквозь почву. Такое занятіе требуетъ не только постоянно согбеннаго положенія челоуѣка, но производится всегда почти ползкомъ. — Работа въ каменноугольныхъ копияхъ производится при постоянномъ освѣщеніи, для котораго употребляются стеариновые свѣчи.

Для разработки каменнаго угля въ предположенномъ мѣстѣ дѣлается слѣдующая подготовка: первоначально внутри пласта каменнаго угля устраивается коридоръ, который, начиная отъ береговаго обнаженія поста, проводятъ прямолинейно въ глубь до того мѣста, гдѣ пластъ оканчивается. — По мѣрѣ углубленія внутрь, ставятся въ коридоръ, на всемъ его протяженіи, подпорки изъ толстыхъ бревенъ, отстоящія другъ отъ друга болѣе, чѣмъ на сажень. Тогда начинается уже разработка отъ внутренняго конца коридора, приближаясь постепенно къ наружному выходу, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и входомъ въ штольни. Добываніе угля производится по обѣимъ сторонамъ коридора, углубляясь внутрь и оставляя при томъ, въ извѣстныхъ промежуткахъ, уголь нетронуемымъ, отчего образуются естественныя столбы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и стѣны, предохраняющія отъ обваловъ, во время производства работъ. Такіе же естественныя столбы отъ оставляемаго въ промежуткахъ угля образуются и вдоль коридора по обѣимъ его сторонамъ. По

доведеніи работъ до наружнаго выхода, штольни считаются окончатель-
но разработанными.

Ближайшій присмотръ за производствомъ работъ въ штольняхъ ле-
житъ на обязанности штейгера, имѣющаго въ своемъ распоряженіи
надсмотрщиковъ, которые слѣдятъ за выполнениемъ каторжниками на-
значеннаго урока.

Здѣсь не лишнимъ считаю сказать, что всѣ ссыльно-каторжные, для
предстоящихъ имъ работъ, встаютъ въ 5 часовъ утра, съ пробитіемъ
«рынды», которую провозглашаетъ въ главнѣйшихъ пунктахъ поста или
барабанщикъ, или трубачъ постовой команды. Одинъ только часъ дае-
ся какъ для сборовъ, такъ и для распредѣленія каторжныхъ по рабо-
тамъ, на которыя, по сдѣланной смотрителемъ переключкѣ, отправляютъ
за карауломъ. Вечеромъ, передъ захожденіемъ солнца, та же рын-
да созываетъ ихъ съ работъ. Нѣкоторые ссыльно-каторжные успѣ-
ваютъ окончить свои уроки гораздо раньше вечерней рынды, почему
остальное время предоставляется въ пользу собственныхъ ихъ занятій,
какъ въ казармѣ, такъ и въ оной, подъ надзоромъ караульнаго сол-
дата. Въ числѣ такихъ каторжныхъ чаще всего можно встрѣтить отца
семейства, которое добровольно за нимъ послѣдовало. Онъ-то и ста-
рается удвоеннымъ успіемъ выгадать часъ или два свободнаго времени
для собственнаго труда, какъ единственной поддержки несчастнаго сво-
его семейства, положеніе котораго въ посту Дуэ въ высшей степени
безотраднo. — Между тѣмъ какъ семейство не причастно въ винѣ отца,
котораго судьбу раздѣляетъ, оно и безъ того переноситъ позоръ и все-
возможныя лишенія. Оно съ удивительнымъ самопожертвованіемъ и си-
лою воли, отшатнувшись отъ жваго свѣта на многія тысячи верстъ,
оставило далеко за собою родину и родственныя связи; оставило, какъ
кажется, для того, чтобы на этомъ пустынномъ островѣ, куда еще не
обратился до сихъ поръ глазъ благотворительныхъ нашихъ обществъ,—
испить до послѣдней капли всю горечь несчастной своей судьбы.

2) *Строительное занятіе.* Къ этой категоріи работъ относятся: во-пер-
выхъ заготовленіе матеріала для постройки, т. е. рубка лѣса съ вывлочкою
его на далекое разстояніе до извѣстныхъ пунктовъ, и, во-вторыхъ, самая
постройка зданій, производимыхъ какъ въ посту Дуэ и на каменноуголь-
ныхъ кояхъ, такъ и на земледѣльческой фермѣ Дуэ. Работа эта, по
своей тяжести и задаваемымъ урокамъ, близко подходитъ подъ занятія
на каменноугольныхъ кояхъ. Рубка лѣса производится въ окрестности
поста Дуэ, по обѣимъ его сторонамъ и позади, въ мѣстахъ, отдаленныхъ
отъ поста нерѣдко въ разстояніи на 10 верстъ, что зависитъ отъ мѣ-
ста нахожденія строеваго лѣса, растущаго или по склонамъ горъ, или
же на ихъ высокихъ хребтахъ. Вырубленное дерево каторжный долженъ
спустить съ горы на край острова, откуда тащить бревно бичевою, по
берегу Татарскаго пролива, погружаясь по поясъ въ холодную воду
(напр. въ октябрѣ мѣсяцѣ), затѣмъ до тащить его сухимъ путемъ до того
мѣста, гдѣ предположена постройка. Притащивъ такимъ образомъ

дерево, приступаютъ къ разнаго рода его обдѣлкѣ: распиливаютъ на доски, обтесываютъ для скрѣповъ, столбовъ и проч.

Къ строительнымъ работамъ также относятся: выкорчевываніе мѣста (вырываніе корней), гдѣ назначено быть постройкѣ, рытье канавъ для обсушки почвы и выдѣлываніе кирпича. Къ болѣе легкимъ работамъ отношу столярную и кузнечную, производящіяся въ мастерскихъ.

Въ строевомъ лѣсѣ, состоящемъ преимущественно изъ пихты и ели, нѣтъ недостатка. Вырубленныя деревья этихъ породъ для построекъ бывають достаточно толсты; нѣкоторыя бывають въ діаметрѣ при срубѣ болѣе аршина, а въ длину около 10-ти сажень.

Удѣлѣвшіе лѣса въ окрестностяхъ поста Дуэ состоятъ по преимуществу изъ пихты и ели, съ примѣсю лиственницы, а мѣстами березы, клена, рябины, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. На сѣверѣ отъ поста Дуэ можно встрѣтить малорослый кедръ (*Pinus Sembra pumilla* Pal.), ростомъ не болѣе 3 аршинъ. Онъ растетъ болѣею частію на открытыхъ мѣстахъ горныхъ хребтовъ, состоящихъ изъ глинистаго песчаника, и сейчасъ же надъ корнемъ пускаетъ длинныя горизонтальныя вѣтви. Плодъ его очень малъ. Такіе лѣса покрываютъ обыкновенно хребты горъ и кажутся издали очень густыми, полными жизни, но войдя въ нихъ, получается разочарованіе: кажущаяся густота смѣняется рѣдкостью деревьевъ, значительными разстояніями одного дерева отъ другаго, казавшаяся издалика жизненность — чахлостію, невзрачнымъ и болѣзненнымъ видомъ деревъ, полуиссохшихъ и иссохшихъ, не достигнувъ еще полнаго своего развитія. Такое впечатлѣніе производятъ вообще всѣ деревья, находящіяся на склонахъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу и сѣверо-востоку; при томъ всѣ они, какъ молодыя, такъ и старыя, покрыты длинными, толстыми кустами мха пепельнаго цвѣта. На низменныхъ же мѣстахъ, по краямъ рѣчекъ и ручьевъ, растутъ обильнѣе чѣмъ на возвышеніяхъ: вязъ, осина, тополь, ольха, черемха, тальникъ, ивнякъ и многія другія кустарничныя деревья.

Лѣса эти, кромѣ вышесказаннаго, представляютъ и въ ботаническомъ отношеніи свою особенность: въ нихъ находятся виды древесныхъ породъ, не встрѣчаемые въ Россіи; къ такимъ относятся: два вида клена: *Acer Mono* и *Acer spicatum*, var. *ukurunduense* Max. — *Pyrus baccata* и *Pyrus sambucifolia*; *Fraxinus Mandschurica*; *Salix Sachalinensis*; *Betula Ermani*; *Abies Veitchii* var. *sachalinensis*; *Evonymus sachalinensis*, *Evonymus macropterus* Rupr., *Ribes affine* B., *Lonicera Chamissoi*, *Lonicera Glchni* n. s. *Daphne Kamtschatica* и другія.

3) *Земледѣльческое занятіе.* Земледѣльческія занятія сосредоточены исключительно въ фермѣ Дуэ и вблизи ея — въ слободкѣ Александровкѣ. Трудъ обработки земли раздѣленъ на два рода: на трудъ частный и трудъ для казны. Первый производится нѣсколькими селѣно-поселенцами, окончившими срокъ каторги, въ свою пользу; для втораго — предназначена часть каторжныхъ, отличившихъ себя, какъ сказано выше, въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ, одобрительнымъ поведеніемъ. Поселенцы, образовавъ свою осѣдлостію, вблизи фермы небольшую слободку, названную Алек-

сандровскою, завели земледѣліе по рѣкѣ Дуэ, неподалеку отъ ея устья. Они заняли подъ посѣвы въ разныхъ пунктахъ небольшія пространства (до 1½ десятины), свободной отъ лѣса, черноземной земли. Для казенныхъ же посѣвовъ и огородовъ разкорчевано около 24 десятинъ по правому берегу р. Дуэ.

Какъ поселенцами на воздѣлываемой ими землѣ въ слободкѣ Александровкѣ, такъ и на фермѣ Дуэ, засѣвается рожь, ячмень, овесъ и ярица; а изъ огородныхъ овощей — картофель, брюква и капуста. Всѣ вообще хлѣба вызрѣваютъ, и при хорошей разработкѣ, своевременномъ посѣвѣ и доброкачественныхъ сѣменахъ даютъ едва удовлетворительный урожай, не свыше самъ-пять. Но бывають и такіе годы, что рожь даетъ урожай самъ-другъ, а ячмень около самъ-четверть.

Огородные овощи поспѣваютъ въ концѣ сентября, а иногда и позже. Количество ихъ сбора вознаграждаетъ почти всегда уходъ за ними, за исключеніемъ развѣ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, когда огороды, расположенные на низменности по берегу рѣки, заливаются вода. Картофель родится до самъ 10-ти, давая небольшіе клубни; брюква даетъ плодъ довольно значительный; капуста же, складываясь въ дряблыя головки, достигаетъ объема менѣ средней величины.

Находящіеся въ слободкѣ Александровкѣ ссыльно-поселенцы состоятъ въ непосредственномъ завѣдываніи начальника поста Дуэ. Каторжные же, посланные на земледѣльческія работы въ ферму Дуэ, и постоянно тамъ пребывающіе въ построенной для нихъ казармѣ, находятся подъ ближайшимъ присмотромъ унтеръ-офицера дуйской постовой команды, имѣющаго въ своемъ распоряженіи нѣсколько караульныхъ солдатъ. На обязанности унтеръ-офицера лежитъ распредѣленіе занятій, досмотръ за правильнымъ ихъ выполненіемъ и всѣ вообще хозяйственныя распоряженія, согласно данной ему инструкціи, завѣдующимъ ссыльно-каторжными, полковникомъ Романовичемъ. Къ чести сего послѣдняго отнести слѣдуетъ ту неуспиную заботливость, какую онъ выказываетъ въ пользу распространенія и успѣха земледѣлія въ районѣ его служебной дѣятельности.

Что же касается поста Дуэ, то нѣсколько находящихся тамъ поселенцевъ изъ окончившихъ срокъ каторги, кромѣ обработки крошечныхъ огородовъ, расположенныхъ вблизи ихъ избушекъ, и небольшого домашнего хозяйства, никакихъ другихъ земледѣльческихъ работъ не производятъ.

Занятія ссыльно-каторжныхъ женщинъ не подраздѣляются на извѣстныя категоріи, такъ какъ онѣ не раздѣлены, подобно каторжнымъ мужчинамъ, на разряды. До начала 1872 года, всѣ почти женщины, присужденныя въ работу, составляли прислугу въ посту Дуэ, пока не послѣдовало распоряженія генераль-губернатора Восточной Сибири, обратитъ ихъ къ урочнымъ работамъ. Въ настоящее время всѣ онѣ участвуютъ какъ въ строительныхъ, такъ и земледѣльческихъ работахъ, за исключеніемъ рудничныхъ, въ каменноугольныхъ копанияхъ. Занятіе ихъ при строительныхъ работахъ большею частію состоитъ: въ

собираніи мха въ лѣсахъ для перекладки стѣнъ, въ постройкахъ, заготовленіи песку и глины, а также и въ перевозкѣ въ пунктахъ производства построекъ нѣкоторыхъ тяжестей, положенныхъ на телѣги. На земледѣльческой фермѣ Дуэ занимаются обработкою огородовъ и другими работами, относящимися къ сельскому хозяйству, а также заготовленіе *черемши* (родъ чесноку *Allium Victorialis* L.), въ запасъ на зиму. Изъ нея, круглый годъ приготавлиють щи съ солониной или рыбою, не только для арестантовъ, но и для нижнихъ чиновъ поставой команды; такая пища чрезвычайно нравится всѣмъ здѣшнимъ жителямъ и предохраняетъ ихъ отъ цынги. Объ этомъ растеніи скажу подробнѣе въ краткомъ очеркѣ сахалинской флоры. Каторжныя женщины, кромѣ вышесказанныхъ занятій, употребляются, смотря по ихъ способностямъ, для приготовления пищи ссыльно-каторжнымъ, печенія хлѣбовъ, стирки и починки арестантскаго бѣлья и для больничной прислуги въ женскомъ отдѣленіи каторжной больницы.

Всѣ работы, какъ въ каменноугольныхъ кояхъ, такъ строительныя и земледѣльческія, производятся ссыльно-каторжными ежедневно. По воскресеньямъ работаютъ до 12 часовъ дня, потому только, что послѣ этого времени ихъ поочередно ведутъ въ баню. Полнымъ же отдыхомъ пользуются они нѣсколько дней въ году, а именно: одинъ день въ праздникъ Новаго года; два дня въ Свѣтлое Христово Воскресеніе; одинъ день Св. Троицы, два дня въ Рождество Христово и въ высокаторжественныя дни.

Не смотря на непрерывный и тяжелый трудъ каторжныхъ, особенно въ каменноугольныхъ кояхъ, побѣговъ между ними почти нѣтъ. Случающіяся нерѣдко кратковременныя отлучки имѣють главную цѣль отдохнуть нѣсколько дней. Въ такихъ случаяхъ бѣжавшій съ работъ скрывается между хребтами горъ вблизи поста Дуэ, и, проголодавшись до истощенія силъ, самъ является съ повинной головой, или же, удалившись на значительное разстояніе отъ поста, неминуемо наткнется на гиляка, который приводитъ его обратно въ постъ, получая за то положенное награжденіе 3 р. с.

Относительно внутренняго быта служащихъ въ посту Дуэ чиновниковъ, нельзя сказать ничего утѣшительнаго. Нетрудно однакожь отгадать, въ какой формѣ долженъ выразиться бытъ этотъ при неблагоприятныхъ условіяхъ для жизни какъ нравственной, такъ и физической. Достаточно взглянуть на эту исключительную обстановку, которую подготовила сама природа для человѣка, заброшеннаго судьбою на этотъ клочекъ скалистой земли, со всѣхъ сторонъ окруженный моремъ, со всѣхъ сторонъ запертый для сообщенія съ людьми. Развѣ можно назвать жизнью существованіе человѣка, составленное изъ однихъ только лишеній? Это не можетъ назваться жизнью — скорѣе прозябаніемъ, и, въ добавокъ, прозябаніемъ ненормальнымъ на бесчюной почвѣ, въ которой ни духовная, ни физическая потребность человѣка не можетъ отыскать для себя живительныхъ матеріаловъ. Такою почвою для жизни — есть постъ Дуэ; такую жизнь есть внутренній бытъ служащихъ въ порту Дуэ.

Всѣхъ служащихъ въ посту Дуэ чиновниковъ, какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, находится 12 человекъ: начальникъ поста, при немъ два субалтернъ-офицера и дѣлопроизводитель, врачъ дуйской постовой команды, завѣдующій ссыльно-каторжными Приморской области, при немъ дѣлопроизводитель, бухгалтеръ и смотритель, два горные инженера и начальникъ маяка. Кромѣ того—купецъ Поповъ. Изъ числа чиновниковъ четверо женатыхъ (два инженера, врачъ и начальникъ маяка). Казалось бы, что такое малозначительное число лицъ, случайно сгруппированныхъ на пустынной мѣстности, служащихъ одному и тому же дѣлу и преслѣдующихъ одинаковыя цѣли, должно бы образовать собою тѣсный, дружескій кружокъ, въ которомъ хотя на минуту можно было разсѣять, въ досужное время, одолеваящую скуку, — но этого, въ сожалѣнію, въ посту Дуэ нѣтъ. Причина такой общественной разрозненности, по моему мнѣнію, заключается въ недостаточности семейныхъ домовъ и въ проявленіи различныхъ взглядовъ на жизнь и на интересы ея. Дѣйствительно, семейные люди живутъ какъ-то замкнутѣе (быть можетъ вслѣдствіе болѣе серьезнаго взгляда на жизнь), нежели холостые, у которыхъ, за исключеніемъ оффиціальной ихъ службы, единственная забота — провести пріятно время. Совершенное отсутствіе періодическихъ изданій, бібліотеки и общественныхъ увеселеній, — вотъ еще причины, которыя не влекутъ членовъ небольшого кружка другъ къ другу. Послѣ этого очевидно, что постъ Дуэ, для умственной жизни человѣку, сколько нибудь развитому, не даетъ никакой пищи, не даетъ еще пищи и нравственно-религіозной, которая, если необходима для человѣка развитаго, то какъ должна быть необходима для человѣка темнаго? Темные же—всѣ ссыльно-каторжные, число которыхъ простирается до 550 человекъ. Эти каторжные, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не слышали слова утѣшенія—религіи; отчего, во многихъ отношеніяхъ, явилось у нихъ сбивчивое понятіе о добрѣ, злѣ и обязанностяхъ христіанина.

Жители поста Дуэ не имѣютъ ни церкви, ни священника; они лишены той обрядовой торжественности, которою начинается и оканчивается жизнь каждаго человѣка; за неимѣніемъ священника, обрядъ крещенія и погребенія исполняется каторжнымъ, который читаетъ соответственныя этимъ случаямъ молитвы. Этотъ же каторжный въ казармахъ, въ присутствіи мѣстныхъ чиновниковъ и постовой команды, въ торжественные дни, въ праздникъ Рождества Христова, Свѣтло-Христово Воскресеніе, въ день тезоименитства Государя Императора и пр. читаетъ молитвы, приличныя этимъ днямъ, какъ равно и по воскресеньямъ читаетъ часы. За неимѣніемъ церкви и священника, самые церковные и торжественные дни ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ дней: ухо не слышитъ того привычнаго звона колокола, который въ былое время призывалъ ихъ на молитву въ домъ Божій!

Необходимо въ интересахъ нравственныхъ и религіозныхъ (говорю собственно о каторжныхъ), имѣть въ посту Дуэ какъ церковь, такъ и священника. Священнослужитель, по совершеніи литургіи, на тему прочита-

паго имъ Евангелія, могъ бы сказать поученіе, а почему знать, слова его, можетъ быть, не пали бы на бесплодную почву: священникъ, въ свободное время отъ своихъ занятій, могъ бы обратить вниманіе на дѣтей ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ, которыхъ положеніе въ высшей степени грустное; особенно жалки дѣти тѣхъ семействъ, которыя добровольно послѣдовали за отцомъ. Всѣ эти дѣти, которыя теперь своими шумными играми на улицахъ, оживляютъ угрюмо-молчаливую мѣстность поста Дуэ, не предвидя своей будущности,—растутъ безъ всякаго призора. Первое слово у дитяти, едва только поднимавшагося на ноги и начавшаго лепетать, есть бранное «бродяга» и другія ругательныя слова! Не скрою, этотъ бессознательный лепетъ брани ложится тяжелымъ гнетомъ на сердце; невольно рождается мысль, что выйдетъ изъ этихъ дѣтей, особенно изъ дѣтей семействъ свободныхъ, которыя, по достиженіи совершеннолѣтія, сдѣлавшись поселенцами, могутъ возвратиться въ Россію? Они, по всей вѣроятности, какъ люди носящіе въ душѣ своей зародыши одного только зла и не видѣвшіе никогда хорошаго примѣра, должны будутъ, рано или поздно, сдѣлаться обычными посѣтителями сстрова Сахалина, — но не какъ поселенцы, а какъ ссыльно-каторжные.

Да извинятъ меня наши благотворительныя общества, что я во второй разъ обращаю ихъ глаза къ этому пустынному острову, гдѣ дѣти несчастныхъ родителей нуждаются въ ихъ теплотѣ и христіанскомъ сочувствіи. Здѣсь не нужно большихъ затратъ капитала: потребно устроить небольшую школу, подъ нравственнымъ наблюденіемъ священника, и отторгнуть неванныхъ дѣтей отъ такихъ родителей, которые слывутъ въ Дуэ за коренѣлыхъ преступниковъ. Эта леѣга, которую на первыхъ порахъ принесетъ благотворительное общество, будетъ зародышемъ тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя желательно видѣть въ будущемъ населеніи острова Сахалина.

Жизнь въ посту Дуэ въ высшей степени монотонна и скучна, наводящая даже по временамъ уныніе, которое усиливается еще болѣе, при непривычныхъ звукахъ рынды и постоянномъ почти бряцаніи кандаловъ! Ничто не разнообразитъ здѣсь медленно текущихъ часовъ свободнаго времени отъ обыденныхъ занятій. Куда ни обратятся глаза, они упираются или въ мрачныя горы, смотряція на насъ непривѣтливо, или скользятъ по поверхности моря, постоянно, кажется, недовольнаго, раздраженнаго, а по временамъ даже пѣнящагося, какъ бы отъ ярости. Единственнымъ здѣсь мѣстомъ для прогулки служить небольшая пристань; но и ту обдають брызгами клубящіяся волны, какъ бы недовольныя присутствіемъ человѣка! Больше всего наводитъ на человѣка уныніе видъ стоящей почти среди поста сопки, которой склоны усеяны могилами. Она, выдвинувшись далеко выше окружающихъ ее хребтовъ, своею коническою головою постоянно смотритъ вдаль моря, какъ бы поджидающая и на свою долю отмѣченныхъ жертвъ, которыхъ, рано или поздно, прикроетъ жесткимъ своимъ покрываломъ въ непробудномъ ихъ снѣ! Послѣ этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что каждымъ живущимъ въ посту Дуэ овладѣваетъ смертельная тоска; и поэтому малѣйшая новизна

служить ему поводомъ къ развлеченію. Стоитъ только показаться на горизонтѣ моря не только судну, но даже и гиліаккой лодкѣ, чтобы всѣмъ встрепенуться какъ отъ электрическаго тока; всякій стремится на пристань. Въ этомъ невольно выражается человѣческая натура, жаждущая обновленія.

Обращаясь къ физической жизни въ посту Дуэ, можно сказать только одно, что служащіе чиновники испытываютъ неудобство во всемъ, а недостатокъ во многомъ, особенно же въ продовольствіи. Помѣщенія у всѣхъ крайне неудобныя, холодныя и тѣсныя, что зависитъ отъ постройки ихъ на скорую руку. Что же касается продовольствія, то оно, въ зависимости отъ возможности заготовленія съѣстныхъ припасовъ въ г. Николаевскѣ, сообщенія съ которымъ, въ продолженіе года, бываютъ очень рѣдки. Суда изъ Николаевска приходятъ въ Дуэ не болѣе трехъ, четырехъ разъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ: іюня, іюля и августа, за полученіемъ каменнаго угля для порта, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ и провизію для ссыльно-каторжныхъ порта Дуэ. Суда эти, возвращаясь обратно, даютъ жителямъ поста единственную возможность отправиться въ Николаевскъ за покупкою провизіи; но, чтобы ее оттуда привезти на островъ, нужно выжидать удобнаго случая, нерѣдко очень продолжительное время. Послѣ того сообщеніе между Николаевскомъ и Дуэ прекращается совершенно на нѣсколько мѣсяцевъ, а именно до января мѣсяца, а иногда же только до половины декабря. Въ январѣ же, февралѣ, а иногда и въ мартѣ, изъ поста Дуэ отправляются въ Николаевскъ нарты на собакахъ съ почтою, не болѣе двухъ разъ въ продолженіе всего этого времени. На этихъ-то обратныхъ нартахъ привозится иногда провизія по заказу и то въ небольшомъ количествѣ (около 10 пуд. на нартѣ). Затѣмъ до іюня мѣсяца прекращается всякое сношеніе съ Николаевскомъ. Эгими-то промежутками въ сообщеніяхъ и пользуются нѣкоторые афферисты поста Дуэ, перепродавая жителямъ по баснословнымъ цѣнамъ заготовленные ими въ Николаевскѣ съѣстные припасы.

Постоянную, ежедневную пищу составляютъ: солонина и рисъ; говядины достать очень трудно, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда какой нибудь поселенецъ рѣшится убить свою скотину за неспособностію ея къ работѣ. Тогда за фунтъ такой говядины каждый наперерывъ платитъ охотно 75 к. Да и вообще на всѣ съѣстные припасы (кочерыхъ между прочимъ и достать не всегда можно), балагаются въ посту Дуэ чудовищныя цѣны. Такъ напр. 1 пуд. солонины стоитъ 7 р., 1 ф. масла коровьяго отъ 80 к. до 1 р., 1 курица 2 р., 1 гусь 4 р. (гусей въ Дуэ нѣтъ; привозятъ изъ Николаевска), 1 поросенокъ (двухнедѣльный) отъ 3 до 5 р., одно яйцо отъ 15 до 25 к. (на Свѣтлой празд.), 1 пуд. ржаной муки 2 р., 1 пуд. пшена 4 р., 100 голов. капусты отъ 8 до 12 р., 100 ш. соленыхъ огурцовъ 4 р., 1 ф. луку 50 к., 1 п. картофелю отъ 90 к. доходитъ до 2 р. 50 к., 1 ф. сахару отъ 75 к. до 1 р., 1 ф. стеариновыхъ свѣчей 45 к. до 50 копѣекъ. Что же касается брюквы, рѣпы, буряковъ и моркови, то цѣна имъ недоступная. Сала свиного въ продажѣ вовсе нѣтъ, не взирая на то, что нѣкоторые поселенцы держатъ свиней,

которыя не требуют особеннаго за ними ухода, питаея сами по берегу Татарскаго пролива выбрасываемыми изъ него водорослями и моллюсками. Быть нѣкоторыхъ поселенцевъ въ посту Дуэ, имѣющихъ уже средства къ жизни, сложился гораздо удачнѣе, сравнительно. Они, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, ни мало не тяготятся тѣми неудобствами жизни, которыя кажутся такъ ощутительными для класса служащихъ. Достигнутая поселенцемъ свобода, удовлетворивъ на первыхъ порахъ уже, задушевному его желанію, постоянно поддерживаетъ въ немъ отрадное чувство самостоятельности, которую онъ поповоль дѣлать, имѣя передъ глазами живой примѣръ наказанія прежнихъ своихъ поступковъ. Припомняя же всю тягость прошлаго своего положенія, въ немъ рождается чувство самодовольства, подъ влияніемъ котораго трудъ въ свою собственную пользу кажется ему чуть ли не пріятнѣйшимъ препровожденіемъ времени. Поэтому-то нѣкоторые изъ поселенцевъ принялись за этотъ трудъ усердно, и быть ихъ матеріальный можно назвать болѣе нежели удовлетворительнымъ. Изъ числа такихъ поселенцевъ, уважу на двухъ: на Абрама Спичку, проживающаго въ посту Дуэ, и Федора Сергіенку, поселившагося въ слободкѣ Александровкѣ, вблизи земледѣльческой фермы Дуэ. И тотъ и другой обзавелись очень хорошимъ хозяйствомъ, держать коровъ, быковъ и лошадей, и успѣли даже скопить небольшой капиталецъ, частію отъ продажи съѣстныхъ припасовъ и другихъ продуктовъ и матеріаловъ, приобретаемыхъ въ Николаевскѣ и перепродаваемыхъ въ Дуэ, частію же отъ добываемой у гилыковъ пушнины, доставляющей имъ большія выгоды.

Такіе поселенцы и въ отношеніи удовольствій стоятъ въ лучшихъ условіяхъ; у нихъ составляются, такъ сказать, общественныя увеселенія, для которыхъ они собираются вмѣстѣ въ праздничные дни, и устраиваютъ качели:—лѣтомъ гдѣ нибудь въ просторномъ уголкѣ—*качели простыя*, зимою же на льду, вблизи пристани, *качели круглыя*, которыя, посредствомъ ворота, приводятся въ вращательное движеніе. Кромѣ того, зимою, особенно же во время масляной недѣли, устраивается ѣзда въ саняхъ на запряженномъ волѣ; при чемъ одинъ человекъ ведетъ его на веревочкѣ впередъ, а нѣсколько садятся въ сани. Такимъ образомъ, по главной улицѣ поста и кругомъ площади, устраивается катанье шагомъ, которое сопровождается пѣснями. Пѣсни эти по большей части заунывные, наводятъ больше тоски на слушающаго, нежели доставляютъ ему развлеченія!

Постъ Дуэ, не только по своему мѣстоположенію, но и вообще по характеру мѣстности всего острова, находится въ тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя парализируютъ всякую возможность сближенія съ инородцами. Къ такимъ условіямъ относится: во 1-хъ, затруднительное сообщеніе съ инородцами, по причинѣ высокихъ горныхъ хребтовъ, которыми покрыта вся поверхность острова и между которыми лежатъ непроходимыя болота и рѣки; къ тому же не проведены дороги. Въ 2-хъ, разбросанность по разнымъ пунктамъ острова жилищъ инородцевъ, и расположеніе ихъ на значительныхъ разстояніяхъ, какъ другъ отъ дру-

га, такъ и отъ поста Дуэ. Въ 3-хъ, обоюдное незнаніе языковъ: русскими—инородческими, и на оборотъ; и въ 4-хъ, наконецъ то обстоятельство, что жителямъ поста Дуэ, какъ служащимъ чиновникамъ, такъ и поселенцамъ, которыхъ занятія сосредоточены въ самомъ посту, или въ близости его, не предлежитъ никогда почти надобности углубляться внутрь острова.—Изложенныя причины, главнымъ образомъ, препятствуютъ къ установленію съ инородцами постоянныхъ, правильныхъ сношеній, а отсюда и нравственныхъ какихъ либо отношеній. Существуютъ одни только сношенія торговыя, если можно такъ назвать мѣновую сдѣлку. Нѣсколько разъ въ теченіе года, и то на короткое время, появляются въ посту Дуэ гиляки, привозя съ собою соболей для промѣна ихъ на необходимые имъ матеріалы, какъ-то: на буду (пшено), ржаную муку, печеный хлѣбъ, постное масло, соль, дабу (окрашенный въ синій цвѣтъ коленкоръ), табакъ, водку, сѣрое простое сукно и проч. Припасами этими, для которыхъ нѣтъ устроенныхъ особо складовъ въ посту Дуэ, запасаются понемногу въ г. Николаевскѣ, какъ зажиточнѣйшіе поселенцы, такъ и нѣкоторые служащіе чиновники; въ значительномъ же количествѣ запасается ими мѣстный купецъ Поповъ, пользующійся большими выгодами отъ мѣновой сдѣлки съ гиляками. Напримѣръ: за одинъ пудъ буды, стоящей ему 1 р. 25 к., онъ получаетъ отъ гиляка соболя, который сбываетъ въ Николаевскѣ не дешевле 10-ти руб. сер. Такою же выгодою пользуется онъ и отъ другихъ матеріаловъ, въ особенности отъ табаку и алкоголя, разведеннаго имъ водою, на которые очень падки всѣ вообще инородцы. Однакожъ не одинъ только мѣстный купецъ пользуется выгодами отъ этой мѣновой сдѣлки; наживаются отъ нея и нѣкоторые поселенцы, особенно: Спичка и Сергіенко, имѣющіе у себя постоянно въ запасѣ всѣ необходимые для гиляковъ предметы. Они приобрѣтаемыхъ соболей перепродаютъ, или при случаѣ въ Николаевскѣ, или же на мѣстѣ переуступаютъ тому же купцу, за извѣстные проценты. Мѣстные же чиновники, желающіе добыть соболей для собственной своей надобности, рѣдко когда успѣваютъ приобрѣсти ихъ изъ первыхъ рукъ, потому что, какъ поселенцы, такъ и купецъ, завидя издали гиляковъ, приближающихся къ посту, залучаютъ ихъ въ свои дома, даютъ имъ временное пристанище и закупаютъ всѣ привезенные ими соболя.

Кромѣ соболей, привозятъ еще гиляки, хотя очень рѣдко и въ самомъ незначительномъ количествѣ,—лисы и медвѣжьи шкуры, выдры, бѣлку и кабаргу. *Медвѣжьи шкуры*, по своему низкому достоинству, цѣнятся здѣсь очень дешево (по 2 р. и того дешевле); шерсть на нихъ короткая, жесткая, толстая, буро-рыжеватаго цвѣта, а притомъ и самая шкура небольшая, едва годится на подстилку подъ ноги. *Выдры* попадаются гилякамъ очень рѣдко; цѣна одной шкуркѣ, смотря по качеству мѣха, бываетъ отъ 6 до 9 рублей. Здѣшнія *бѣлки* цѣнятся гораздо ниже, нежели камчатскія, амурскія, сибирскія (около Тобольска) и уральскія. Онѣ относительно меньше, не такъ пушистыя и цвѣтъ ихъ мѣха сѣрый, съ нѣсколько желтоватымъ отливомъ. Шкурки *кабарги* привозятся гиляками

въ постъ Дуэ весьма рѣдко, потому что охота за ними чрезвычайно затруднительна. — Кабарга водится обыкновенно внутри острова, на горныхъ хребтахъ, покрытыхъ лѣсами, и рѣдко когда спускаться въ долины. Ростомъ она гораздо меньше дикой козы, очень осторожна и чутка. Мясо ея гиляки употребляютъ въ пищу. Шкурка кабарги стоитъ одинъ рубль; она негодится даже на подстилку, такъ какъ шерсть ея лѣзетъ очень скоро. Немногимъ дороже обходится въ покупкѣ и мѣшечекъ мускуса, который помѣщается у самца на задней части живота: онъ цѣнится 1 р. 50 к.

Менѣе всего имѣется у гиляковъ для продажи *лисиныхъ шкуркокъ*, потому что гиляки, за неимѣніемъ пороку и свинца, не охотятся за ними. Вообще на островѣ Сахалинѣ добываютъ лисицъ зимою, посредствомъ отравы или капкановъ. Обыкновенную отраву для лисицъ составляетъ челибуха, превращенная въ порошокъ; но охотники очень часто достаютъ и стрихнинъ для отравы. Изъ него готовятъ они, такъ называемые, «пометы» слѣдующимъ образомъ: изъ растопленного стеарина или воску дѣлаютъ небольшія капсулы, посредствомъ обмакиванія въ этихъ жидкостяхъ округленнхъ, деревянныхъ или металлическихъ палочекъ, толщиною въ обыкновенный карандашъ. Одинъ конецъ палочекъ этихъ погружаютъ (на $\frac{1}{2}$ вершка) въ жидкость на весьма короткое время, отчего, на концахъ ихъ, когда они простынутъ, образуются капсулы на подобіе шпона большаго размѣра. Въ такую капсулу всыпаютъ отъ 5 до 6 гранъ стрихнина и прикрываютъ верхнее ея отверстіе коровимъ масломъ. Такія начинки, помѣщенные въ отдѣльныхъ кускахъ мяса, рыбы, убитой птицы, или же внутри неживыхъ крысъ, кладутъ охотники въ разныхъ мѣстахъ, на низменностяхъ, между горными хребтами, гдѣ слѣды лисицъ указываютъ на ихъ ночныя прогулки. Это и называется *пометомъ*. Пометы эти бросаю:ь обыкновенно вечеромъ, и случается, что на другой день утромъ охотникъ находитъ жертву своего промысла вблизи брошенной имъ отравы. Лисицъ на островѣ Сахалинѣ довольно; онѣ водятся какъ въ падахъ, такъ и въ горныхъ хребтахъ, вблизи рѣчныхъ долинъ. Встрѣчается здѣсь пять разновидностей этого звѣря, какъ-то: 1) обыкновенная красная лисица, 2) сиводушка, 3) крестовка, 4) серебрянка и 5) чернобурал лисица; послѣдняя очень рѣдка и попадаетъ разъ въ 2 или 3 года. Цѣна на мѣстѣ шкуркѣ обыкновенной красной лисицы отъ 2 до 3 рублей; сиводушки и крестовки отъ 7 до 11 рублей и дороже; серебрянки отъ 40 до 60, а иногда и до 75 рублей; шкурка же чернобурой лисицы цѣнится втрое дороже серебрянки.

Дорогой звѣрекъ *соболь* (по гиляцки огробъ), водится по всему острову Сахалину, избирая для мѣстопробыванія горныя хребты, покрытыя хвойнымъ лѣсомъ, преимущественно такимъ, гдѣ много валежника, розсыпей и обнаженныхъ скалъ. Соболь въ высшей степени кровожадный; онъ истребляетъ птицъ, мышей и бѣлокъ, а бывали (какъ рассказываютъ) случаи, что пожиралъ даже и собственныхъ дѣтенышей. Движенія его чрезвычайно быстры; онъ не придерживается мѣстности, а постоянно переходить съ одного хребта на другой. Въ этихъ то переходахъ и

подстерегаютъ его гиляки, устраивая ловушки между хребтами въ долинахъ. Ловушки эти они ставятъ на перекладинахъ, переброшенныхъ въ поперекъ какой нибудь рѣчки или ручья. По словамъ гиляковъ, соболей очень много по всему острову: они первоначально водились и въблизи Дуэ, но вырубленный впоследствии вокругъ поста лѣсъ заставилъ ихъ удалиться внутрь острова. Качество соболей, водящихся на Сахалинѣ, не вездѣ одинаковое: болѣе цѣнятся мѣха, добытые въ сѣверной части острова, нежели на югѣ, хотя вообще сахалинскіе соболи, по качеству мѣха, считаются средними. Собранныя на Сахалинѣ соболиныя шкурки и доставленныя въ Николаевскъ, подвергаются сортировкѣ. Изъ нихъ составляютъ связки въ 40 штукъ, что называется «сорочекъ». Въ такомъ сорочкѣ бываетъ около 15 штукъ лучшихъ соболей; затѣмъ столько же среднихъ и около 10 штукъ низшаго сорта. Цѣна такому сорочку на мѣстѣ, въ Николаевскѣ, полагается отъ 450 до 500 рублей и дороже.

Пріѣзды гиляковъ въ постъ Дуэ не всегда бываютъ въ одинаковое время; они прибываютъ сюда по мѣрѣ нужды своихъ, въ особенности же тогда, когда у нихъ не достанетъ съѣстныхъ припасовъ: буды, ржаной муки, соли, а также и табаку и другихъ необходимыхъ для нихъ матеріаловъ, что чаще всего случается зимою и весною.

Мѣновая торговля съ инородцами не ограничивается однимъ только постомъ Дуэ: она производится и внутри острова, въ ихъ жилищахъ, куда николаевскіе купцы, въ зимнее время, посылаютъ своихъ прикащиковъ, съ вышесказанными матеріалами, для промѣна ихъ на соболей и другую пушнину.

Процедура мѣновой сдѣлки съ гиляками въ высшей степени скучна, по своеобразному характеру. Гилякъ никогда за разъ не покажетъ всѣхъ соболей, привезенныхъ имъ для продажи; онъ внимаетъ изъ-за пазухи по одиночкѣ, начиная всегда худшимъ соболемъ, а оканчивая самымъ лучшимъ. Притомъ каждый соболь имѣетъ особое свое назначеніе въ продажѣ: одинъ для промѣна на буду, другой на табакъ, третій на ржаную муку или что нибудь другое. Такимъ подраздѣленіямъ покупатель долженъ подчиниться вполне. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что самая ничтожная иногда покупка (одного или двухъ соболей) длится очень долго, если принять въ соображеніе, что гилякъ показываетъ одного соболя за другимъ, по истеченіи получаса и болѣе, покуривая притомъ изъ своей гамзы (трубки) крѣпкій манджурскій табакъ.

Кромѣ сахалинскихъ гиляковъ, посѣщаютъ еще постъ Дуэ и гиляки амурскіе, прибывающіе осенью на островъ Сахалинъ, для звѣринаго промысла. Они изъ поста Дуэ, на своихъ лодкахъ, берегомъ Татарскаго пролива, отправляются въ южную часть острова (въ Аниву), и у тамошнихъ инородцевъ (анивцевъ) пріобрѣтаютъ соболей посредствомъ мѣны на товары; товары же (даба, сѣрое суяно, табакъ и проч.) частію привозятъ изъ Николаевска, частію же берутъ въ посту Дуэ въ домѣ, у тамошняго купца, или у кого либо изъ жителей. Пріобрѣтаемые въ Анивѣ соболи обходятся имъ очень дешево. Весною, на обратномъ

путн, гиляки уплачиваютъ свои долги въ Дуэ соболями, приобрѣтенными въ Анивѣ, остальныхъ же везутъ въ г. Николаевскъ для продажи.

III.

Инородцы и ихъ бытъ.—Заключеніе.

Къ инородцамъ, живущимъ на островѣ Сахалинѣ, относятся: орочи, тунгузы, якуты, гиляки и айцы. Орочи живутъ внутри острова, въ средней его полосѣ, около рѣки Невы. Южнѣ ихъ, по той же рѣкѣ, а также и въ другихъ пунктахъ острова, по направленію къ востоку, югу и къ самой почти сѣверной части Сахалина, живутъ якуты и тунгузы, держась тундристыхъ мѣстъ, для прокорма своихъ оленей. Гиляки селятся обыкновенно по западному и восточному берегамъ острова, при устьяхъ рѣчекъ, а также внутри острова, по берегамъ большихъ рѣкъ, избирая притомъ такія мѣста, гдѣ могутъ удобнѣе заниматься какъ рыбнымъ, такъ и звѣринымъ промыслами. Главное населеніе гиляковъ сгруппировано по рѣкамъ Тыми Большой и Малой, за тѣмъ по западному и восточному берегамъ сѣверной и средней части Сахалина, въ бухтахъ, въ которыя впадаютъ рѣчки, и наконецъ къ югу отъ поста Дуэ, тоже по западному берегу острова, почти до границы южной стороны Сахалина. Кромѣ того находятся гиляки и въ Приморской области, поселившіеся на лѣвомъ берегу Амура, отчего на Сахалинѣ и раздѣляютъ ихъ на *амурскихъ* и *сахалинскихъ*.—Айцы живутъ въ южной части Сахалина.

Скажу нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ племенъ.

1. Орочи весьма рѣдко посѣщаютъ постъ Дуэ, такъ какъ мѣновую торговлю ведутъ обыкновенно внутри острова, куда къ нимъ пріѣзжаютъ изъ Николаевска прикащики, съ необходимыми для нихъ съѣстными припасами и другими матеріалами. Орочей называютъ еще: орочами, орочами (живущихъ на Амурѣ), а также оленными тунгузами, для различія отъ собственно такъ названныхъ тунгузовъ, съ которыми они составляютъ одно племя. Типъ орочей показываетъ монгольское происхожденіе: росту они малаго, лицо плоское, широкое, скулы, выдающіяся незначительно, глаза малые, узкіе, какъ бы косые отъ приподнятыхъ наружныхъ угловъ, носъ тоже малъ, сплюснутый съ широкимъ переносьемъ, губы толстыя, нижняя челюсть довольно широкая, усовъ и бороды у мужчинъ почти нѣтъ, если же есть,—волоса на нихъ очень рѣкіе и короткіе. Выраженіе физиономіи добродушное. Верхнія и нижнія конечности исхудалыя, что зависитъ отъ недостаточнаго развитія жировой ткани и истощенія мышцъ. Цвѣтъ кожи темный, грязножелтоватаго цвѣта. Волоса на головѣ черные, жесткіе, прямые, незаплетенные въ косу, падаютъ въ беспорядкѣ на лобъ и на плечи. Женщинъ я не видалъ. Одежду орочей составляетъ короткій полукафтанъ изъ оленьей кожи, отороченный другимъ какимъ либо мѣхомъ, всегда другаго цвѣта и украшенный почти всегда мѣдными пуговицами. Лѣтній кафтанъ дѣлаютъ изъ рыбьей кожи (кожи диты). Кафтаны надѣваютъ на голое тѣло, почему

онѣ имѣть служить вмѣсто рубашки. Въ настоящее время, при частыхъ сношеніяхъ съ русскими, они получаютъ отъ сихъ послѣднихъ «дабу», изъ которой пьютъ для себя рубахи. Орочи носятъ короткіе штаны, которые доходятъ до верхней трети бедра, гдѣ къ нимъ привязываются ремешками такъ называемые «ерки», сдѣланные изъ оленьей кожи, плотно обхватывающіе бедра и всю остальную часть ногъ до щиколки; затѣмъ надѣвается обувь, сшитая изъ оленьей кожи, мѣхомъ внутрь. Обувь эта украшается разными вышивками, состоящими изъ разноцвѣтныхъ мѣховыхъ же доскутьевъ. На головѣ носятъ войлоковыя, полукруглыя шапочки, у нѣкоторыхъ же имѣются и китайскія шапки съ полями.

Орочи живутъ въ юртахъ конусо-образной формы. Юрта обыкновенно дѣлается такъ: на землѣ очерчивается кругъ или четырехугольникъ (будущее основаніе), по сторонамъ четырехугольника или круга вбиваются въ землю рядъ жердей (отъ 3 до 3 1/2 арш. вышины), наклоненныхъ одна къ другой и вверху связанныхъ; затѣмъ все это кругомъ снаружи обтягивается оленьими кожами. Вблизи юртъ находятся обыкновенно ихъ олени, скученные въ одно мѣсто. На шеѣ нѣкоторыхъ оленей, вмѣсто колокольчика, виситъ такъ называемая «купильля», сдѣланная изъ оленьяго рога, разукрашенная снаружи разными вырѣзными узорами. Внутри этой купильли висятъ на ремешкахъ свинцовыя шарики, которые, болтаясь при движеніяхъ оленя, издають громкій звукъ.

Въ пищѣ орочи разборчивы: они питаются по большей части юколою, которую готовятъ изъ киты, посредствомъ копченія. Кромѣ того, они употребляютъ въ пищу оленья мясо, рисъ и буду.

Орочи вообще чрезвычайно кротки и боязливы. Они занимаются звѣриннымъ промысломъ и рыбною ловлею. Подробныхъ свѣдѣній о внутреннемъ ихъ бытѣ, семейной жизни и обычаяхъ я не имѣлъ случая собрать.

2. Мѣстные жители якутовъ и тунгузовъ считаютъ за одно племя. Они очень рѣдко прѣзжаютъ въ постъ Дуэ, для сбыта своихъ соболей. При мнѣ ихъ не было, почему и не удалось собрать о нихъ положительныхъ свѣдѣній.

3. Между сахалинскими гилияками, живущими какъ на западномъ, такъ и на восточномъ берегу острова, нѣтъ никакого различія ни въ образѣ жизни, ни въ нравахъ, ни въ характерѣ, хотя восточныхъ гилияковъ острова и называютъ тро-гилияками. Быть можетъ въ нарѣчій есть какая нибудь разница, но изученныя мною нѣкоторыя гилияцкія слова убѣдили меня въ противномъ, такъ какъ слова эти совершенно понятны для всѣхъ вообще гилияковъ.

Ростъ гилияковъ средній (нѣкоторыхъ довольно даже высокій); тѣлосложеніе крѣпкое, типъ чисто монгольскій, лицо некрасивое, круглое, приплюснутое, съ выдающимися скулами; глаза малые, узкіе, черные (у нѣкоторыхъ выразительные); носъ малый, довольно широкій, приплюснутый; ротъ большой, губы толстыя. Волоса на головѣ черныя, жесткіе, густые, которые они заплетають въ косу (принявшіе христіанство обрѣзають косу); щеки, усы и борода покрыты рѣдкими и короткими во-

лосами, вырастающими у нихъ очень поздно (около 26—30 лѣтъ). Умственные способности у гиляковъ довольно развиты. Права они вообще кроткаго, терпѣливы и несловоохотливы; гилякъ можетъ просидѣть почти сутки, поджавъ ноги и покуривая табакъ изъ короткой и крошечной своей гамзы, не проговоривъ ни одного слова съ товарищами. Разговоръ ихъ между собою отрывистый, заключающійся въ двухъ, трехъ словахъ, произносимыхъ съ разстановкою и главное—не смотря другъ на друга, какъ бы озираясь по сторонамъ, или же потупивъ голову внизъ. Разговоръ ведутъ между собою не громко. Гиляки, приходя и уходя, не привѣтствуютъ другъ друга и не прощаются. Они очень недовѣрчивы, но къ обману и воровству не склонны, напротивъ, гилякъ всегда сдерживаетъ данное имъ слово и всегда старается исполнить обѣщанное имъ въ назначенный срокъ. Если же по какимъ-нибудь причинамъ онъ его не исполнитъ въ этомъ году, то непременно исполнитъ ровно черезъ годъ, или же и два, въ условленный срокъ. Такіе примѣры (какъ разсказывали мнѣ) повторяются нерѣдко при мѣнновой сдѣлкѣ съ жителями поста Дуэ. Гилякъ хладнокровенъ и неустрашимъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, съ которымъ сходитса одинъ на одинъ, имѣя при себѣ только копьё и короткій ножъ; на копьё поднимаетъ медвѣдя, а ножомъ въ то время убиваетъ его, попадая прямо въ сердце. Характеръ гиляковъ далеко не суровый, и нѣтъ никакого основанія называть ихъ «свирѣпыми», какъ о нихъ относятся нѣкоторые путешественники. Дѣйствительно, на Сахалинѣ, между преступниками распространялась молва, будто гиляки ѣдятъ человѣческое тѣло, — но молва эта не имѣетъ никакого правдоподобія. Слухъ этотъ въ самомъ дѣлѣ носится и носится уже давно, но онъ пущенъ въ ходъ съ намѣреніемъ удержать преступниковъ отъ побѣговъ внутри острова. Какъ бы въ подтвержденіе этого, въ прежніе годы было нѣсколько случаевъ такихъ, что скрывавшіеся внутри острова преступники не возвратились въ постъ Дуэ, и очень быть можетъ, что это случилось вълѣдствіе встрѣчи ихъ съ гиляками, которые очень враждебно смотрятъ и нынѣ на ссыльно-каторжныхъ. Они ихъ ловятъ и доставляютъ въ постъ Дуэ, получая за это вознагражденіе. Съ упрямымъ же бродягою, особенно съ такимъ, который хочетъ отъ него уйти, гилякъ поступаетъ безцеремонно: посылаетъ въ догонку мѣткую стрѣлу и прехладнокровно возвращается въ юрту.

Одежда гиляковъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ одинаковая; она состоитъ изъ кафтана, короткой юбки до колѣнъ, панталонъ и шароваровъ. Лѣтніе кафтаны, какъ равно и юбки дѣлаютъ изъ рыбьей кожи (кожи киты), обшивая ихъ узкою каймою, изъ такой же рыбьей кожи, окрашенной въ разные цвѣта, большею же частію въ черный и красный. Для осени дѣлаютъ кафтаны и юбки изъ нерпечьей кожи, а для зимы—изъ собачьей, шерстью наружу. Черный цвѣтъ мѣховъ цѣнится дороже, потому-то кафтанъ, сшитый изъ черныхъ собакъ, считается щегольскимъ нарядомъ. Панталоны носятъ постоянно изъ нерпечьей кожи. Торбаза формою своею похожа на наши сапоги съ длинными голенищами: они дѣлаются какъ изъ собачьей, такъ и оленьей кожи, мѣхомъ

наружу, и обвязываются повывше колѣнъ, на панталонахъ, какимъ-либо ремешкомъ. Лѣтомъ и даже позднюю осенью, гиляки часто ходятъ босые. Голову прикрываютъ лѣтомъ круглую, плоскою шляпою изъ березовой коры (на подобіе мелкой тарелки, опрокинутой кверху дномъ), привязываемая ремешкомъ къ подбородку. Зимой же одни надѣваютъ на голову довольно толстый кружокъ, сдѣланный на подобіе дамскаго боа, изъ бѣличьихъ хвостовъ (причемъ макушка ничѣмъ не прикрыта), — другіе имѣютъ мѣховыя шапки съ длинными наушниками. Большею же частію ходятъ съ непокрытою головою. Женщины носятъ въ ушахъ мѣдныя серьги и тѣмъ только отличаются отъ мужчинъ въ костюмѣ. Съ недавняго времени гиляки начали дѣлать для себя кафтаны изъ сѣраго сукна и шить рубахи изъ дабы, для чего матеріалы пріобрѣтаютъ при мѣшковой сдѣлкѣ съ русскими.

Въ пищу гиляки очень неразборчивы; они ѣдятъ все, что попало: соболей, собакъ, кошекъ, всякую даже падаль (свѣжую). Главную же ихъ пищу составляетъ буда, югула, по временамъ свѣжая рыба. При частыхъ сношеніяхъ съ русскими, начали ѣсть печеный хлѣбъ, который имъ очень нравится. Кромѣ того, они заготовляютъ для пищи перпечій жиръ, съ которымъ ѣдятъ обыкновенно буду. Пищу употребляютъ умеренно и долго могутъ переносить голодъ; но въ высшей степени невоздержны въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, до которыхъ они большіе охотники, и при случаѣ любятъ до пьяна напиться. Причемъ замѣчательно впервыхъ то, что они рѣдко когда напиваются днемъ, а избираютъ для своихъ попойекъ ночное время; во-вторыхъ, что въ пьяномъ гилякѣ, при полномъ отсутствіи буйнаго характера, проявляется самое миролюбивое настроеніе духа; каждый для него тогда дѣлается другомъ (амала). Гиляки живутъ въ юртахъ. По временамъ переходятъ изъ одного мѣста острова на другое, почему и устраиваютъ въ одной мѣстности — юрты зимнія, а въ другой лѣтнія. Зимнія юрты строятъ изъ дерева, сдѣлавши первоначально землянку, т. е. четырехугольное углубленіе въ землѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ ставить юрту. Каждая юрта состоитъ изъ одной большой комнаты, безъ оконъ, потолка и трубы. Находящееся на верху въ крышѣ, въ самомъ центрѣ юрты, отверстіе, величиною около квадратнаго аршина, служитъ для выхода дыма изъ очага; оттуда же получается и свѣтъ. Очагъ находится по срединѣ юрты; кругомъ его, вдоль стѣнъ, устроены нарты. Въ одной юртѣ живутъ по два и по три семейства, тутъ же помѣщаются и собаки, и все ихъ имущество. Подобнымъ же образомъ устраиваются и лѣтнія юрты, съ тою только разницею, что для нихъ предварительно не дѣлаютъ землянокъ; да притомъ и самыя юрты строятся не такъ тщательно, какъ зимнія, а для крышъ употребляютъ пихтовыя вѣтви вмѣсто дерева.

Амурскіе гиляки устраиваютъ свои юрты иначе внутри. Юрта ихъ состоитъ тоже изъ одной большой комнаты, безъ потолка, но съ крышею. Окна сдѣланы въ стѣнѣ и, за неимѣніемъ стеколъ, вставляется кожа рыба (кожа киты). Отъ входа, на право и на лѣво, устроенъ рядъ

очаговъ (печи), откуда дымъ проходитъ трубами, проведенными подъ парами, отчего очъ и согрѣваются. Трубы эти соединяются съ особою трубою, устроенною на дворѣ, около юрты, черезъ которую дымъ окончательно выходитъ. Не смотря однакожь на эти вытяжныя трубы, рѣдка юрта избавлена отъ дыма, для выхода котораго устраивается въ задней стѣнѣ юрты окошко, которое затыкаютъ соломой. Нары устроены кругомъ юрты между печами и покрыты цыновками. Въ юртѣ помѣщается обыкновенно нѣсколько семействъ и нерѣдко до 20 душъ. Тутъ же содержатся собаки, одежда, посуда, рыбій жиръ и перпечье масло. Воздухъ въ юртѣ очень тяжелый и распространяетъ сильное зловоніе. Когда кто прѣзжаетъ, ему отводятъ мѣсто, гдѣ держатъ собакъ, для которыхъ устроено въ юртѣ особое помѣщеніе, чего сахалинскіе гиліаки не дѣлаютъ.

Занятія гиліаковъ, главнѣйшимъ образомъ, сосредоточены на звѣриномъ промыслѣ, заключающемся преимущественно въ ловлѣ соболей. Охота же за лисицами, выдрами и другими звѣрями бываетъ только случайная. Для ловли соболей, они отправляются, съ первымъ снѣгомъ, внутрь острова, избирая для своего промысла такія мѣста, гдѣ въ падахъ, между горными хребтами, протекаетъ рѣчка. Поперекъ рѣчки устраиваютъ узкій проходъ, на которомъ ставятъ ловушку, съ кускомъ юкулы, или же свѣжей рыбы. Такихъ ловушекъ иной гиліакъ заготовляетъ до сотни, разставляя ихъ въ разныхъ мѣстахъ на большомъ пространствѣ и въ различныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Соболю имѣетъ привычку переходить отъ одного хребта до другаго; встрѣчая рѣчку и на ней удобный для себя проходъ, на которомъ въ добавокъ видитъ для себя поживу, попадаетъ въ ловушку. На такую охоту, продолжающуюся обыкновенно всю зиму, гиліаки берутъ съ собою малыхъ гиліаченковъ, чтобы приучить ихъ съ дѣтства къ этому промыслу. Для своего зимовья, которое приходится ему перемѣнять иногда нѣсколько разъ, въ случаѣ неудачной охоты, гиліакъ строитъ для себя юрту, на скорую руку, самую непрочную и невыгодную, изъ пихтовыхъ или еловыхъ вѣтвей. Весною, гиліаки охотятся еще на тюленей, которыхъ на Сахалинѣ называютъ нерпами. Охота на нихъ очень проста: она состоитъ въ ударѣ по головѣ нерпы, вышедшей на льдину подышать воздухомъ.

Рыбною ловлею занимаются гиліаки круглый годъ, особенно же лѣтомъ ловятъ киту для приготовления изъ нея юкулы, посредствомъ вяленія на открытомъ воздухѣ. Юкула эта составляетъ для нихъ ежедневную пищу, ею же кормятъ и собакъ своихъ, которыхъ каждый гиліакъ имѣетъ отъ 7 до 13-ти. Собака для гиліака необходима въ такой степени, въ какой необходимъ олень для тунгуза. Безъ собаки гиліакъ умеръ бы съ голоду; на нихъ отправляется онъ въ нартѣ зимою, въ отдаленные пункты острова, для ловли рыбы, на нихъ ѣздятъ въ постѣ Дуэ, для приготовления провизіи и всего ему необходимаго; собаки же, въ случаѣ крайности, служатъ для него и пищею. Поэтому-то одинъ изъ знакомыхъ мнѣ гиліаковъ (Батшино), на счетъ собакъ, выразился такъ русскимъ ломаннымъ языкомъ: «Собакъ умри и гиліакъ умри».

Всѣ гиліаки вообще язычники, за исключеніемъ весьма немногихъ,

принявшихъ христіанство. Шамановъ у нихъ вѣтъ, какъ равно и другихъ какихъ либо лицъ, занимающихся исключительно религіозными обрядами. Они поклоняются медвѣдю, т. е. чтятъ его какъ божество, и одинъ разъ въ годъ празднуютъ такъ называемое «Убіеніе медвѣдя». Праздникъ этотъ бываетъ всегда передъ началомъ весны, не придерживаясь впрочемъ одного и того же времени; его празднуютъ въ одномъ году раньше, въ другомъ позже. Иногда празднуютъ вскорѣ послѣ нашего новаго года, но чаще всего въ февралѣ мѣсяцѣ. Праздникъ устраивается обыкновенно у одного изъ почетнѣйшихъ туземцевъ, у котораго находится уже заранѣе подготовленная для праздника жертва. Къ нему собирается нѣсколько гилякскихъ семействъ, изъ отдаленныхъ мѣстъ острова, которыя привозятъ съ собою съѣстные припасы и водку.

Въ виду предстоящаго каждый годъ праздника «Убіенія медвѣдя», стараются заблаговременно поймать медвѣженка, котораго кормятъ годъ, а иногда и два, держъ въ юртѣ привязаннымъ на цѣпи. Въ назначенный для праздника день, готовятъ нѣсколько различныхъ яствъ, въ числѣ которыхъ находится одно блюдо, похожее на желе, украшенное разными ягодами, какъ-то: клюквою, брусникою, рябиною и пр., чтобы этими яствами, въ послѣдній разъ, какъ бы на прощаніе, угостить медвѣдя. Передъ юртою, на площадкѣ, избранной для предстоящей церемоніи, вкапываютъ два столба, въ разстояніи другъ отъ друга неболѣе трехъ аршинъ и кругомъ обставляютъ елками. Между тѣмъ въ юртѣ украшаютъ медвѣдя разноцвѣтными бумажками, лоскутками матеріи, а иногда и зеленью, добытою изъ подъ снѣга. Все это дѣлается сообща. Затѣмъ разукрашеннаго медвѣдя выводятъ всюю толпою изъ юрты на площадъ и привязываютъ между двухъ столбовъ, двумя цѣпами, прирѣпленными по обѣимъ сторонамъ намордника. Одинъ изъ гиляковъ, самый ловкій, избранный для совершенія обряда, подаетъ медвѣдю на длинной палкѣ, всѣ по очереди, приготовленные яства, до которыхъ тотъ не дотронется, бывъ окруженъ со всѣхъ сторонъ шумною толпою (тутъ присутствуютъ мужчины, женщины и дѣти), старающеюся какъ можно болѣе раздражить медвѣдя разными жестами и крикомъ. Такое подчиваніе и такой шумъ и крикъ продолжаются довольно долго. Когда медвѣдь начнетъ уже крѣпко злиться, его отвязываютъ отъ столбовъ и обводятъ нѣсколько разъ кругомъ площадки, въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ, съ пѣснями, крикомъ и даже музыкою, состоящею изъ учащенныхъ ударовъ палкою по какому нибудь металлическому предмету, или просто о палку. Послѣ этой процесіи, женщины и дѣти удаляются въ юрту; медвѣдя опять привязываютъ между столбовъ. Избранный гилякъ, вооружаясь лукомъ и отойдя отъ медвѣдя на 20 и болѣе шаговъ, пускаетъ мимо его нѣсколько стрѣлъ, которыя, пролетѣвъ вблизи самой головы медвѣдя, своимъ свистомъ раздражаютъ его, и наконецъ приводятъ въ совершенную ярость, причѣмъ, вставая на дыбы, онъ страшно реветъ. Тогда гилякъ подступаетъ къ нему на два шага, и почти въ упоръ убиваетъ, попадая стрѣлою въ сердце. Когда медвѣдь испуститъ послѣднее дыханіе, то убившій его гилякъ и за тѣмъ остальные

падають ниць на трупъ медвѣдя и лежа начинаютъ рыдать, произнося при томъ шепотомъ какія-то молитвы. Моленіе продолжается не долго. За тѣмъ гиляки поднимаются на ноги, берутъ трупъ, волочатъ нѣсколь-ко разъ кругомъ площадки, а оттуда несутъ въ юрту, гдѣ тотчасъ же отдѣляютъ отъ туловища голову, а черепъ, покрытый кожей, вѣшаютъ на гвоздѣ въ юртѣ. Черепъ этотъ составляетъ для гиляковъ боготворимый предметъ. За тѣмъ въ мигъ снимаютъ кожу и раздѣленное на куски мясо варятъ и жарятъ. Начинается общій пиръ, продолжающійся до тѣхъ поръ, пока не останется ни куска мяса отъ виновника этого празднества. Пиръ продолжается обыкновенно два, три дня, но иногда длится болѣе недѣли: это зависитъ отъ запаса съѣстныхъ припасовъ и водки, привезенныхъ посторонними семействами для праздника. Пиршество сопровождается еще единоборствомъ между собою и скачками на собакахъ.

Холостой гилякъ, желающій обзавестись собственнымъ семействомъ, обязанъ непременно украсть для себя жену, хотя такое похищеніе дѣлается почти всегда съ вѣдома родителей невѣсты и по согласію съ невѣстою. Въ процесѣ похищенія заключается весь обрядъ бракосочетанія, послѣ котораго мужъ везетъ для родителей жены какойнибудь подарокъ, состоящій большею частью изъ орудія, необходимаго для звѣринаго или рыбнаго промысла. Случается не рѣдко, что гилякъ похищаетъ чужую жену, тогда мужъ жалуется начальнику поста, который заставляетъ похитителя возвратить чужую собственность, не подвергая за то виновнаго высканію.

Умершихъ зарываютъ въ землю не глубоко; иногда даже оставляютъ на поверхности земли, на какомънибудь возвышенномъ мѣстѣ, въ кустарникахъ, прикрывая гробъ вѣтвями деревьевъ, мохомъ и травою. На такой могилѣ ставятъ его нарту и кладутъ нѣкоторые предметы изъ домашней рухляди. Гробъ дѣлаютъ изъ цѣльнаго дерева, выдалбывая его въ видѣ глубокаго корыта; крышки нѣтъ. Тѣло покойника хоронятъ по истеченіи мѣсяца послѣ смерти; на это время помѣщается оно въ пустой юртѣ, куда приходятъ прощаться съ нимъ родные и знакомые. Члены семейства, въ продолженіе этого мѣсяца, выражаютъ свою печаль тѣмъ, что женщины расплетаютъ свои косы, а мужчины отрѣзываютъ отъ своихъ косъ незначительную часть волосъ.

Гиляки не позволяютъ выносить огонь изъ нарты, что служило нѣсколько разъ поводомъ ссоръ и столкновеній съ русскими, при первоначальныхъ съ ними сношеніяхъ. Всѣ вообще гиляки, какъ при посѣщеніяхъ ихъ юртъ русскими, такъ и при мѣнновой съ ними сдѣлкѣ, постоянно просятъ «пай», т. е. подарка.

Въ оригинальной формѣ выражается гостепріимство гиляковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда гилякъ друженъ съ другимъ гилякомъ. Пришедшій въ гости гилякъ, просидѣвъ нѣкоторое время молча и покуривая изъ своей гамзы, величною въ наперстокъ, крѣпкій манджурскій табакъ, приглашается хозяиномъ положить голову на его колѣна. Хозяинъ, расплетя косу на головѣ гостя, легонько начинаетъ ее ще-

котать. Пальцы начинаютъ у него двигаться быстрѣе и, съ каждымъ перехватомъ пряди волосъ, достаетъ насѣкомыхъ, которыми хозяинъ съ наслажденіемъ лакомится.

4. Въ южной полосѣ острова Сахалина, такъ называемой «Анива», живетъ племя, какъ кажется отличное отъ прочихъ туземцевъ. Племя это называется айно ¹⁾, или аинцы; они населяютъ берега острова и живутъ по окраинамъ большихъ рѣчекъ внутри, распространяясь только до селенія Тарайки, расположеннаго на восточномъ берегу острова, надъ заливомъ Терпѣнія, въ 20 верстахъ отъ русскаго поста Тихменевскаго. Дальше этого пункта они не распространяются къ сѣверу. Собранныя мною свѣдѣнія объ этомъ племени не совсѣмъ еще полны.

Не прошло еще и ста лѣтъ съ того времени, когда айно были свободнымъ племенемъ; нынѣ же они находятся въ полной зависимости отъ японцевъ, которыхъ колоніи находятся среди аинскихъ поселеній, гдѣ живетъ даже и японскій губернаторъ (въ Кассунъ Катанъ). Эти то аинцы получаютъ отъ японскаго правительства одежду и даже удовольствіе.

Аинцы средняго тѣлосложенія; ростъ ихъ рѣдко превышаетъ 2 арш. 3 верш.; лицо смуглое, округленное, довольно правильное; скулы выдаются гораздо меньше, нежели у гиляковъ и орочей, и вообще черты лица напоминаютъ скорѣе типъ европейскій, нежели монгольскій. Глаза небольшие, темные, не узкіе и не косые, довольно даже выразительные. Волоса на головѣ черные; усы и борода довольно густые, длинныя; губы не такъ толсты, какъ у прочихъ туземцевъ. Женщины очень некрасивы: малаго роста, лицо одуговое, круглое; волосы носятъ короткіе, стриженные въ кружокъ. Каждая аинка краситъ обѣ губы синею краскою. Въ племени этомъ замѣчается та особенность во 1-хъ, что всѣ аинцы похожи лицомъ другъ на друга, и во 2-хъ, что между аинцами, живущими сѣвернѣе, какъ напр. въ Тарайкѣ и вблизи ея, и поселенными на самой южной окраинѣ острова, замѣчается разница, какъ въ тѣлосложеніи, такъ и въ нравственныхъ качествахъ. Сѣверные—бодрѣе, развитѣе и болѣе самостоятельны, нежели южные, которые по большей части бывають тщедушные и при томъ замѣчается въ нихъ полное отсутствіе самостоятельности.

Аинцы живутъ въ юртахъ, имѣющихъ четырехугольную форму, которыхъ постройка очень простая. Вбиваютъ въ землю четыре жерди, въ разстояніи одна отъ другой около 8-ми арш. и болѣе, промежутки которыхъ, на подобіе плетня, сплетаются изъ сухой осоки, — что составляетъ стѣны, въ которыхъ нѣтъ отверстій для оконъ. Крыша сдѣлана изъ той же травы (осоки); полъ деревянный; потолка нѣтъ. Очага не устрояютъ, а посрединѣ юрты весь почти день горитъ костеръ, дымъ изъ котораго выходитъ наружу сквозь отверстие, сдѣланное въ крышѣ, а отчасти чрезъ входную дверь. Вокругъ юрты устроены нары въ $\frac{1}{4}$ арш. надъ землею; онѣ покрыты циновками, сдѣланными изъ крапивы

¹⁾ «Аино» на ихъ языкѣ значитъ «человѣкъ».

(*Urtica cannabina*). Въ юртахъ у нихъ довольно чисто, выметено, прибрано; все крошечное ихъ имущество, состоящее обыкновенно изъ циновки и котелка, сложено въ порядкѣ; но каждая юрта переполнена клопами, блохами и другими паразитами.

Одежду айнецвъ составляетъ такой же полукафтанъ, какъ и у прочихъ туземцевъ, но сдѣланный у однихъ изъ перпечей кожи, у другихъ изъ толстой японской матеріи. Мужчины носятъ мѣдныя серьги въ ушахъ.

Всѣ вообще айнци кроткаго нрава, смиренные, почтительные и услужливые, живутъ между собою согласно и очень любятъ табакъ и вино. Мужчины равнодушны къ семейной жизни и совершенно не заботятся почти о своемъ семействѣ: женщина, какъ для прокормленія себя, такъ и своихъ дѣтей, должна сама ловить рыбу, единственную почти у нихъ пищу, которою исключительно всю зиму питается вся семья и которою кормятъ своихъ собакъ. Для заготовленія на зиму рыбы, селятся вблизи рѣчекъ по двѣ и по три семьи и общими силами приготавливаютъ юкуну, посредствомъ вяленія рыбы на открытомъ воздухѣ. Женщины, за исключеніемъ занятій въ юрты, по цѣлымъ почти днямъ сидятъ у костра, посреди юрты и работаютъ что нибудь, покуривая трубку. Мужчины же большею частію работаютъ у японцевъ, уплачивая трудомъ своимъ за выпитое у нихъ вино (саки), которое выдѣлываютъ изъ риса.

Айнци садятся на полъ, поджавъ ноги или складывая ихъ крестообразно. Привѣтствованіе другъ друга и постороннихъ лицъ заключается въ слѣдующемъ: айно, наклонивъ немного голову впередъ, приподнимаетъ вверхъ обѣ руки, обращенныя ладонями къ лицу; за тѣмъ распростертыми пальцами медленно ведетъ по бородѣ, глядя прямо въ глаза тому, кого онъ привѣтствуетъ. Такая манипуляція повторяется нѣсколько разъ и тѣмъ дольше, если привѣтствуемое лицо пользуется извѣстнымъ у нихъ почетомъ.

Занятія айнецвъ заключаются какъ въ охотѣ, такъ и рыбной ловлѣ, но они по преимуществу всѣ рыболовы. Огнестрѣльнаго оружія у нихъ нѣтъ, а для своей охоты употребляютъ стрѣлы, копье и саблю. Соболей не добываютъ, подобно гилікамъ, посредствомъ ловушекъ, а убиваютъ ихъ стрѣлами. Что же касается рыболовства, то предоставляя по большей части своимъ женамъ заботу добывать рыбу для своего продовольствія и въ запасъ на зиму, сами занимаются преимущественно ловлею сельдей, которыхъ несмѣтныя массы появляются у береговъ Анивы, въ началѣ мая, а иногда и подъ конецъ апрѣля. Изъ сельдей вывариваютъ жиръ, а остатки рыбы употребляютъ японцами для удобренія полей.

Айнци поклоняются какому-то мнѣческому божеству, называемому «Камои», въ честь котораго сожигаются громадныя костры, какъ по берегамъ острова, такъ и внутри его, на площадкахъ (подумкахъ), между горными хребтами. Сожженные костры въ присутствіи нѣсколькихъ семействъ составляютъ весь ихъ религіозный обрядъ, исполняемый лѣтомъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что айнци очень трудолюбивы, и между ними есть много способныхъ работниковъ; жаль только, что это

несчастное племя, поработенное японцами, годъ за годомъ уменьшается, т. е. вымираетъ.

Сообщивъ краткія свѣдѣнія о постѣ Дуэ, касающіяся его заселенія и сношеній съ инородцами, не тронуть мною еще вопросъ объ окружающей его природѣ, такъ какъ предметъ этотъ есть чисто научный. Для него имѣется уже подъ рукою готовые матеріалы, собранные мною на мѣстѣ; но обработка ихъ требуетъ довольно продолжительнаго времени, а самый трудъ—болѣе удобныхъ условій.

Въ окрестностяхъ поста Дуэ, въ промежутокъ времени, отъ 20 апрѣля по 9 іюня 1872 года, собрано мною до 200 растительныхъ видовъ, въ числѣ около 2000 экземпляровъ, принадлежащихъ мѣстной флорѣ; кромѣ того собраны мною и водоросли Татарскаго пролива. Во время же пути на островъ Сахалинъ (отъ 15-го іюня по 7-е сентября 1872 г.) и на обратномъ слѣдованіи въ Россію,—на всемъ протяженіи дороги я прослѣдилъ флору: Западной и Восточной Сибири, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую, составляя замѣтки о распространеніи и группированіи естественныхъ семействъ, при чемъ собрано мною, дорогою же, нѣсколько тысячъ экземпляровъ растений изъ разныхъ семействъ. Растенія эти не приведены еще въ систематическій порядокъ; нѣкоторые растительные виды требуютъ опредѣленія, такъ какъ не было у меня подъ рукою необходимыхъ руководствъ для этого; въ отдѣлѣ же Иркутскаго Географическаго Общества не посчастливилось мнѣ, при всѣхъ усиліяхъ, позаимствоваться на время даже флорою Леденева. Поэтому свѣдѣнія о постѣ Дуэ я долженъ окончить, сказавъ лишь нѣсколько словъ о Сахалинской флорѣ, продолжительность которой въ окрестностяхъ поста Дуэ ограничивается четырьмя только мѣсяцами въ году, а именно—промежуткомъ между послѣдними числами апрѣля и началомъ сентября.

Въ средней полосѣ Сахалина, гдѣ находится постъ Дуэ, весна начинается очень поздно. Во многихъ мѣстахъ лежатъ снѣга до начала мая, а въ половинѣ этого мѣсяца не видно еще ни одной разившейся почки на деревьяхъ, принадлежащихъ къ листовымъ породамъ. Собственно же растительность начинается въ послѣднихъ числахъ апрѣля: первымъ разивающимся растеніемъ бываетъ *Petasites japonicus* L. изъ семейства сложнцвѣтныхъ (*Compositae*), котораго блѣдножелтоватый цвѣтокъ, въ видѣ султанчика, около 20 апрѣля только начинаетъ пробиваться сквозь замерзлую, глинисто-песчаную, почву, по краямъ рѣчекъ, ручьевъ и на всемъ пространствѣ окрестныхъ низменностей.—Ровно черезъ 10 дней разиваются еще два растенія: *Lysichitum kamtschaticum* Schott, изъ семейства *Araceae* и *Corydalis ambigua* var. *Sachalinensis* Cham. изъ семейства *Fumariaceae*. Около 5-го мая цвѣтеть въ дѣсу, на скалистыхъ горныхъ хребтахъ *Adonis Amurensis* Reg. изъ семейств. лютиковыхъ (*Ranunculaceae*), а въ кустарникахъ *Anemone gracilis* n. sp. Кромѣ того, на открытыхъ горныхъ мѣстахъ кое-гдѣ начинаетъ появляться *Rolentilla* (изъ сем. *Rosaceae*), а на болотахъ: *Caltha palustris* α *typica*, *Chrysosplenium alternifolium* и *Cardamine Regeliana* Miq. Въ по-

слѣдующіе за тѣмъ дни, до 15 мая, найдено мною около десяти цвѣтущихъ растений, въ числѣ которыхъ два вида фіялки (*Viola*) и видъ *Corydalis*, не встрѣчаемый въ Россіи, а именно *Corydalis aurea* W. — Красивое это растение стелется по землѣ, покрывая собою значительныя пространства обнаженныхъ горъ, которыхъ почва бываетъ глинистая и твердая. Съ половины мая растительность начинаетъ развиваться очень быстро, такъ что до конца мѣсяца я успѣлъ собрать около 110 различныхъ растительныхъ видовъ, большая часть которыхъ относится исключительно къ Сахалинской флорѣ. Изъ числа такихъ растений, замѣчательны по своей рѣдкости и красотѣ своихъ цвѣткѣ слѣдующія:

- 1) Изъ семейства Лютиковыхъ (*Ranunculaceae*): *Aquilegia fl. bellata* Sieb., *Atragene platysepala* Trautv., *Anemone flaccida* (n. sp.), *Anemone gracilis* (n. sp.), *Coptis trifoliata* Salisb.
- 2) Изъ семейства Барбарисовыхъ (*Berberideae*): *Diphylleja Grayi* (n. sp.).
- 3) Изъ семейства Крестоцвѣтныхъ (*Cruciferae*): *Arabis Stelleri* Dl., *Arabis petrea* Lam.
- 4) Изъ семейства Фіалковыхъ (*Violarieae*): *Viola umbrosa* Fr.
- 5) Изъ семейства *Siloneae*: *Elisanthe Sachalinensis* (n. sp.).
- 6) Изъ семейства *Alsineae*: *Möhringia lateriflora* Fzl., *Stellaria borealis* β *corollina* Fzl.
- 7) Изъ семейства *Geraniaceae*: *Geranium erianthum* Dl.
- 8) Изъ семейства *Papilionaceae*: *Thermopsis fabacea* Pall.
- 9) Изъ семейства *Rosaceae*: *Spiraea confusa* Rgl.
- 10) Изъ семейства *Ribesiaceae*: *Ribes affine* var. *sachalinensis* Bung.
- 11) Изъ семейства *Compositae*: *Scorzonerra radiata* Fisch., *Taraxacum ceratophorum* Dl.
- 12) Изъ семейства *Vaccinieae*: *Vaccinium ovalifolium* Sm. *Vaccinium praestans* Lam.
- 13) Изъ семейства *Primulaceae*: *Cortusa Mathioli* L.
- 14) Изъ семейства *Gentianeae*: *Gentiana triflora* Pall.
- 15) Изъ семейства *Scrophulariaceae*: *Veronica Schimdtiana* Regel.
- 16) Изъ семейства *Aristolochieae*: *Asarum heterotropoides* n. sp.
- 17) Изъ семейства *Araceae*: *Simplocarpus foetidus* Salisb.
- 18) Изъ семейства *Orchideae*: *Orchis aristata* Fisch., *Orchis kamtschatica* Cham., *Cypripedium macranthum* Sw., *Cypripedium Calceolus* (fl. incip.) L., *Cypripedium guttatum* Sw.
- 19) Изъ семейства *Smilacaceae*: *Polygonatum Maximowiczii* n. s., *Paris hexaphylla* Cham., *Asteranthemum dahuricum* Kth., *Trillium obvatum* Pursch., *Convallaria majalis* L.
- 20) Изъ семейства *Liliaceae*: *Gagea triflora* R. et Sch., *Gagea lutea* R. et Sch. *Fritillaria kamtschaticensis* Gawl., *Allium Victorialis* L.

При такомъ замѣтномъ стремленіи природы къ воспроизведенію, въ первыхъ уже числахъ, іюня растительность достигаетъ почти полного своего развитія, и небогатая численностію растительныхъ видовъ Сахалинская флора становится очень значительною, по особенностямъ нѣкоторыхъ древесныхъ и растительныхъ породъ. Такъ наприимѣръ: изъ

числа древесныхъ породъ цвѣтутъ въ это время, на возвышенныхъ мѣстахъ два вида клена: *Acer spicatum* var. *ukurunduense* Max. и *Acer Mogio* Max., изъ семейства (*Acerin* ae), замѣчательные своею стройностію и яркою зеленою красивыхъ листьевъ, которая замѣтно обрисовывается на темномъ фонѣ пасмурной пихты, рядомъ съ которою растутъ эти деревья. — На тѣхъ же возвышеніяхъ, среди кустарниковъ, замѣчаются: *Lonicera Chamissoi*, *Lonicera chrysantha* Turcz. и *Lonicera Glehnii*, sp. изъ семейства *Caprifoliaceae*, которыхъ цвѣтки только что начинаютъ развиваться. — На низменныхъ же мѣстахъ найдено мною нѣсколько замѣчательныхъ папоротниковъ (мною неопредѣленныхъ), въ числѣ которыхъ находится красивый *Osmunda cinnamomea*, въ полномъ своемъ развитіи; онъ растетъ небольшими группами на болотистыхъ мѣстахъ въ доли около поста Дуэ Изъ числа явнотрачныхъ растений, въ это время начинаетъ цвѣсти *Corydalis gigantea* Trautv. изъ семейства *Fumariaceae*, видъ замѣчательный своимъ огромнымъ ростомъ (около 2 аршинъ). Растеніе это сплошными группами окружаетъ основанія горъ, придерживаясь постоянно ручейковъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ встрѣчается съ двумя другими видами изъ семейства крестоцвѣтныхъ: *Dentaria macrophylla* W и *Dentaria dasyloba* Turcz., съ которыми по сосѣдству въ одно время цвѣтеть. — Красивые піоны (*Paeonia obovata* Max.), разбросанные по склонамъ высокихъ горъ, выдвинувъ свои шарообразные, пурпуровые вѣтвики, надъ обрुжающею растительностію, болѣе всѣхъ, присутствіемъ своимъ, оживляютъ уединенную мѣстность между горными хребтами. Въ это время оживляется даже и безжизненные скалы: онѣ издали кажутся украшенными какъ бы гирляндами золотистаго цвѣта, — что зависитъ отъ громаднаго количества разцвѣвшаго вполне растенія *Sedum Rhodiola* Dl. (семейство *Crassulaceae*), выходящаго изъ трещинъ скалы, гдѣ оно, находя для своего питанія весьма незначительное количество влаги, разрастается однакоже по всѣмъ направленіямъ на поверхности скалъ, представляя собою очень сочное растеніе. Однимъ словомъ, этотъ періодъ развитія общей растительности въ окрестностяхъ поста Дуэ обозначаетъ полную весну, которую празднуетъ природа, хотя и кратковременно, на этомъ пустынномъ островѣ! Дальнѣйшія наблюденія за послѣдовательнымъ развитіемъ Сахалинской флоры были окончательно прерваны отбытиемъ моимъ изъ поста Дуэ 9-го іюня 1872 года.

Θ. Августиновичъ.

С. Петербургъ.

1873 года 21 февраля.

2007099333